

ДЕТЕКТИВ

СВЕТЛАНА

АЛЕШИНА

ПАПАРАЦЦИ

Папарацци

Светлана Алешина
Папарацци (сборник)

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Папарацци (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
1999 — (Папарацци)

О чем мечтает девушка, приехавшая из провинции учиться в большой город? Примерная студентка Ольга Бойкова не мечтала о красивой жизни и легких деньгах. И когда в ее руках случайно оказались документы, за которые один из хозяев города, не задумываясь, выложил бы целое состояние, ей и в голову не пришло искать для себя выгоды. Но из-за этих документов может полатиться жизнью другой человек. И чтобы спасти его, Оля решает провернуть одну очень рискованную операцию...

Содержание

Папарацци	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Алешина

Папарацци (сборник)

Папарацци

Глава первая

Автобус резко тряхнуло, и я больно ударилась головой о боковое стекло, от чего мгновенно проснулась и, потирая рукой ушибленное место, стала оглядываться.

Полупустой автобус постоянно трясло на неровной дороге. За окнами проплывали девятиэтажки и окружающие их пустыри. Мы въехали в микрорайон города Тарасова под названием Солнечный.

Когда-то один из отцов города в патриотическом порыве ткнул рукой в огромный пустырь на окраине Тарасова и сказал: «Вот в этом направлении мы и будем развивать город». Правда, некоторые очевидцы в неофициальных разговорах отмечали тот факт, что сей патриотический порыв был сильно подогрет алкогольным подпитием. Но это не суть важно. Важно другое: вскоре после этого на огромном пустыре на окраине города вырос жилой массив из панельных девятиэтажек, названный «микрорайон Солнечный» – форпост архитектурной мысли отцов города.

Главным достоинством Солнечного, помимо того что благодаря ему многие горожане смогли улучшить свои жилищные условия, было то, что он служил своеобразным фасадом Тарасова. Девятиэтажки широким фронтом скрывали от глаз въезжающих в город, во-первых, безобразный пустырь, открывавшийся взорам гостей Тарасова до постройки Солнечного, а во-вторых, неказистые обшарпанные «хрущобы», составлявшие основную часть жилого массива соседнего микрорайона, называемого «6-й квартал».

Все бы хорошо, но, как только девятиэтажки были сданы в эксплуатацию, интерес руководства города к строительству Солнечного резко поуменился. До нормальных автомобильных дорог и объектов жилкультсоцпищебыта руки у властей предержащих как-то не дошли.

Парочка квелих автобусных маршрутов, соединявших Солнечный с центром города, была пущена в микрорайоне по идиотской схеме: от любой остановки приходилось топать до ближайшего дома приличное расстояние. Сами же автобусы появлялись на остановках не чаще, чем солнце проглядывает сквозь облака в пасмурную погоду. В часы «пик» транспорт превращался в филиал кузнечно-прессового цеха: для того чтобы залезть в автобус, требовалось усиленно и весьма бесцеремонно утрамбовывать уже находящихся там пассажиров. Поэтому настроение «солнечных» жителей, как правило, зависело от того, удастся ли первым вскочить в автобус и по возможности (о, счастье!) занять пустующее сидячее место – ведь тогда давление тел сограждан сведется к минимуму. Правда, если очень не повезет, на колени сидящему может плюхнуться толстая тетка, не способная удержаться на разбитых подагрой ногах до того момента, как автобус достигнет центра города.

Гастроном и несколько мелких продуктовых магазинчиков, открытых в Солнечном, отнюдь не удовлетворяли потребностей населения, поскольку, несмотря на изобилие продуктов и разнообразие ассортимента, цены были столь высоки, что отпугивали даже самых ленивых покупателей. Большинство жителей микрорайона стремились сделать основные покупки в центре города, на оптовых рынках, где все было существенно дешевле. Вечером набитые продуктами кошельки серьезно затрудняли жителям микрорайона штурм автобусов. По мере же следования автобуса по маршруту в направлении Солнечного в нем постоянно разгорались

конфликты между пассажирами: по поводу раздавленных яиц (без уточнения принадлежности последних), неудачно стоящей у кого-то на ноге чужой сумки с картошкой, открытого или закрытого вытяжного люка (всегда найдутся среди пассажиров любители свежего воздуха и страдающие хроническим насморком)...

Культурно провести досуг в Солнечном было негде, если не считать трех пивбаров. Ближайший кинотеатр располагался в 6-м квартале, чтобы добраться до него, нужно было выдерживать восемь остановок автобусного ада.

Вот в таком «оазисе уюта и благополучия» под названием Солнечный я и проживала последние три месяца.

Приближалась моя остановка под названием «Подстанция», от которой оставалось всего две до конечной. Все пассажиры в автобусе уже сидели, кроме старичка со старушкой, которые заранее приготовились выходить в переднюю дверь. Я пристроилась за ними, нащупав в кармане проездной билет.

Весь вчерашний день и всю ночь шел дождь, перестал он только сегодня, после обеда. Ехавший на большой скорости автобус рассекал огромные лужи и щедро окатывал прилегающие к проезжей части тротуары волнами грязной воды. Наконец водитель затормозил у остановочного павильончика с надписью «Подстанция». Передняя дверь открылась, однако старички не спешили выходить. Автобус остановился прямо в центре большой лужи; нудные пенсионеры потребовали, чтобы водитель проехал немного вперед и высадил их на «сухом месте». Водитель же и ухом не вел, словно объявил забастовку или так экономил нервную энергию, что не давал себе труда даже ответить. Впрочем, работа водителей местного автобусного маршрута давно уже напоминала мне скрытую и вялотекущую забастовку, и я решила не терять времени. Протиснувшись мимо стариков к выходу, прикинула на глаз: хватит ли моих ног, чтобы перепрыгнуть лужу? Чем-чем, а длиной ног родители меня не обидели (как-никак 103 сантиметра!), и я, хорошенько оттолкнувшись, легко перескочила лужу.

Приземлившись, я не стала дослушивать, чем закончился конфликт пожилых пассажиров с шофером. За два с половиной месяца езды этим маршрутом я была сыта такими сценами по горло, к тому же мне еще предстояла двадцатиминутная пешая прогулка – ровно столько времени было необходимо, чтобы добраться до моего жилища от остановки.

На пару с подругой Ирккой мы снимали двухкомнатную квартиру в одном из панельных домов. Квартира принадлежала дядюшке моей подруги. Дядя Петя по профессии да, видимо, и по призванию был риэлтором. Все свободное от пьянок время Иркин родственник посвящал купле-продаже и сдаче в аренду недвижимости. Ежемесячно он покупал несколько квартир, как правило, находящихся в плачевном состоянии, и, за короткий срок привести их в более приличный вид с помощью дешевой рабочей силы, тут же продавал. Дешевой рабочей силы хватало – чаще всего это были студенты и безработные строители.

Сфера риэлторских интересов дяди Пети ограничивалась рамками микрорайонов «Солнечный» и «6-й квартал», однако в этих пределах размах его деятельности был так велик, что иногда он путался в квартирах, которые купил, собирался купить, продать или сдать в аренду. Поэтому приходившие к нему клиенты часто вынуждены были напоминать риэлтору, о какой квартире идет собственно речь. В сильной степени дядюшкиной забывчивости способствовали запой, в которые он периодически уходил. На это время дела в свои руки брал его помощник и дальний родственник Виктор.

Своей родной племяннице Ирине дядя Петя сдавал квартиру за символическую сумму. Это Иринка предложила мне разделить с ней кров и арендную плату, а я, разумеется, за ее предложение ухватилась обеими руками: ведь у меня, провинциалки, приехавшей из дыры под названием Карасев в областной центр, так сказать, за лучшей долей, вариантов жилья, кроме общаги, практически не было.

В Тарасове, правда, жила моя тетя – Людмила Ивановна. Поначалу я у нее и остановилась, но, прожив неделю в ее квартире в центре города, сделала категоричный вывод о нашей с тетушкой полной психологической несовместимости. С утра до вечера слушать тетушкины сентенции и наставления по самым различным темам – долго бы я не выдержала. Слава богу, мне удалось быстро отыскать Иринку и, получив от нее приглашение к сожительству, сбежать от тетушки под благовидным предлогом, мол, не хочу ее стеснять.

Моя подруга тоже родом из Карасева, только она старше меня на три года, поэтому на три года раньше уехала в Тарасов и поступила здесь в медицинский институт. Скажу, не хвалясь, я три недели назад тоже стала студенткой. Поступить на филологический факультет Тарасовского государственного университета – думаете, это так просто?

Ирина к моему выбору отнеслась скептически.

– Ну и кем ты будешь? – спросила она, когда я сообщила ей о своем решении поступать на филфак.

– Не знаю, – неопределенно сказала я, вдруг сообразив, что как-то об этом не задумывалась. – Наверное, буду преподавать русский и литературу детям в школе.

– Педагогом, что ли? – фыркнула моя подружка. – Нашла себе профессию. Да им же ни черта не платят! Где деньги будешь брать?

– Там же, где и ты, – недоуменно ответила я, имея в виду кассу предприятия, где буду работать.

– Ну ты сравнила! – поморщилась Ирка. – Я – совсем другое дело, как врач-гинеколог я всегда себе на кусок хлеба заработаю.

– Знаешь что, – возмутилась я, обиженная за свою будущую профессию, – там, где ты будешь деньги брать, мне что-то не хочется... К тому же с филологическим образованием я могу работать и журналистом. Статьи, репортажи, журналистские расследования – это будет поинтересней, чем гинекологом копошиться в...

Приводя последние аргументы, я и сама размечталась: а ведь верно, какая интересная профессия – журналист! Подружка выслушала меня не перебивая, состроив при этом глумливую физиономию, после чего заявила:

– Ой-ой-ой... Какая патетика. Статьи! Журналистские расследования! Тоже мне – папарацци! – Ирка сменила глумливое выражение на своем лице на скептическое и добавила: – Какая разница, в каком дерьме копошиться... Но поверь моему опыту, – менторским тоном заключила моя старшая подруга, – ковыряться в теле человека намного спокойнее и безопаснее, чем в его личной жизни.

Я не стала спорить с Иринкой: она всегда в наших дискуссиях умудрялась оставлять последнее слово за собой. Никому из нас тогда и в голову не могло прийти, что этот разговор во многом окажется пророческим – и для Ирки, и особенно для меня.

Весь сегодняшний день получился суматошным. С утра, когда меня, промокшую под дождем и помятую, «выплюнули» в центре города двери автобуса, я отправилась в университет. Из четырех намеченных на сегодня лекционных пар состоялись лишь две – первая и четвертая. На последнюю явились лишь немногие, самые дисциплинированные, в том числе и я. После занятий мне пришлось тащиться на очередное контрольное свидание с тетушкой – последний раз я была у нее давно, две недели назад. Тетя Люда, заручившись поддержкой моих родителей, требовала еженедельного посещения с подробными отчетами о моей жизни. Если я манкировала визитом, она сама являлась к нам с Иркой домой, и избавиться от ее присутствия было невозможно, не выслушав всех запланированных ею нравоучений, а запас их был неистощим.

Тетушку я дома не застала – соседи сказали, что она ушла за покупками на рынок. Дождаться у подъезда не хотелось, я последовала ее примеру и отправилась покупать продукты. По нашей с Иркой договоренности сегодня была моя очередь.

С тяжеленными сумками я в семь вечера явилась на конечную остановку автобуса, где уже томила в ожидании толпа народу. Удача мне улыбнулась: я одна из первых влезла в подошедший автобус, заняла свободное место у окошка и тут же была забаррикадирована севшей рядом дородной теткой.

«Все, теперь можно спокойно спать», – подумала я. Если бы кто и захотел согнать меня с моего места, перелезть через соседку-попутчицу было практически невозможно. Я заснула и проснулась уже в Солнечном...

До дома оставалось пилить еще пять минут. Я только что миновала двор соседнего жилого массива, благополучно прошла сквозь лабиринт из самовольно выстроенных металлических гаражей и уже подходила к торцу своего дома.

Наш подъезд был крайним от торца. Мне оставалось лишь завернуть за угол и пройти по узкой дорожке, отделяющей дом от разбитого рядом с ним палисадника. Но, как это часто бывает в жизни, неприятности подстерегают нас в самом конце пути, когда до заветной цели остается всего лишь несколько шагов. Задержись я на полминуты или обойди палисадник, ничего бы не произошло. Более того, наверное, моя жизнь сложилась бы иначе. Но случилось то, что случилось.

Едва завернув за угол, я увидела, что прямо на меня бежит не разбирая дороги невысокий парень в джинсовой куртке. Я сразу поняла, что он чем-то напуган. Нет, напуган – это слабо сказано. Парню, похоже, угрожала смертельная опасность. Достаточно было взглянуть на его лицо: бледный, глаза вытаращены, широко раскрытый рот жадно хватал воздух. Он явно спасался бегством от верной гибели, поэтому летел на меня, как выпущенная из ружья пуля.

По инерции сделав несколько шагов ему навстречу, я заметалась по узкой дорожке, пытаясь как-то разминуться с ним. Слева от меня был деревянный забор палисадника высотой где-то с полметра, справа – стена дома, и я секунду-другую решала, к чему лучше прижаться: к деревянному заборчику или к бетонной стене. Вот уж действительно промедление смерти подобно – пока я выбирала, беглец на полной скорости врезался прямо в меня.

От удара у меня перехватило дыхание, я не удержалась на ногах и упала спиной прямо в небольшую лужицу. Мало того – сбивший меня с ног тоже потерял равновесие и упал прямо на меня. Ситуация, можно сказать, пикантная, однако удовольствия ни мне, ни ему это не доставило. Я закричала от боли. Парень же издал что-то вроде рычания – надо понимать, он был крайне раздосадован неожиданно возникшим на его пути препятствием. Он мгновенно вскочил на четвереньки и с этого низкого старта рванул вперед. Я сделала попытку приподняться и в эту же секунду увидела, как из подъезда выбежали двое коротко стриженных, здоровенных парней, один в кожаной куртке, другой в длинном плаще. Судя по всему, они-то и преследовали моего невольного обидчика.

Я с ужасом поняла, что сейчас и эти двое в азарте погони пробегутся по мне, как по ковровой дорожке, и судорожным движением отползла в сторону, прижавшись к стене дома. На сей раз последствия были менее разрушительными, «кожаная куртка» просто пронесся мимо, а «длинный плащ» лишь наступил на мой пластиковый пакет с продуктами и учебниками, грязно выругавшись при этом.

Когда все участники погони скрылись за углом дома, на смену моей растерянности и ошеломленности пришел праведный гнев.

«Безобразие, какое варварство обойтись так с молодой девушкой, кстати, отнюдь не лишенной привлекательности», – клокотали во мне эмоции.

Я вскочила и поковыляла вслед за участниками погони, чтобы высказать им вдогонку все, что я о них думаю. Но увидеть мне удалось только спины преследователей – те мчались на всех парах к гаражам, за которыми уже скрылся убегающий. Через пару секунд в гаражном лабиринте исчезли и двое бритоголовых.

– Козлы долбанные! Свины! – что есть силы прокричала я им вслед, вложив в этот вопль всю страсть своего негодования. Своеобразным ответом мне послужил громкий хлопок, звук которого донесся до меня со стороны гаражей. От неожиданности я даже вздрогнула и слегка пригнула голову.

«Неужели выстрел? – подумала я. – Или мне показалось?» Но тут же откуда-то из-за гаражей послышался еще один хлопок.

«Нет, – решила я, – не показалось». Где-то среди гаражей действительно стреляли из пистолета.

Ничего себе, ну и вечерок выдался! И хотя стреляли довольно далеко, я, повинувшись скорее интуиции, чем логике, поспешила ретироваться, пока до меня вместе со звуком выстрела не долетела и пуля. Там, где я упала, лежал на асфальте мой порванный пластиковый пакет, из которого торчали учебник и бутылка кетчупа.

Я нагнулась, и тут мое внимание привлек небольшой черный конверт, лежащий недалеко от пакета. По всей вероятности, его потерял кто-то из троих придурков, пронесшихся по мне смерчем.

Итак, «подобьем бабки». Меня сшибли, уронили прямо в лужу, теперь бок болит и ушибленная лопатка ноет. Моя одежда – я оглядела себя – находится в плачевном состоянии, плащ надо будет стирать, а порванные колготки (к счастью, недорогие) – выкидывать. Из разорванного пакета вытек кетчуп – верзила в длинном плаще наступил на бутылку. Все это шло однозначно в минус.

Но, слава богу, меня не убили, и это огромный плюс. Судя по тому, как развивались события, такой шанс был. Если бы преследователи выскочили из подъезда пораньше и застали объект преследования, так сказать, рядом со мной, то, открыв стрельбу по парню в джинсовой куртке, вполне могли попасть и в меня. О подобных невинных жертвах часто пишет пресса.

В моем сознании сразу возник некролог в студенческой газете университета, говорящий о том, что на 18-м году жизни случайной жертвой киллеров пала студентка первого курса филфака Ольга Бойкова. Следующий кадр – сцена похорон. Заплаканная мать, причитающая: «Зачем ты поехала в этот город, осталась бы себе дома и жила спокойно». Рядом строгий и суровый отец, поодаль стоит Ирка в черном элегантном платье и в темных очках, словно звезда Голливуда, приехавшая на похороны своего продюсера. Безутешная подружка наверняка припрется с каким-нибудь своим новым хахалем, который будет стоять, не понимая, зачем его туда приволокли. Но при этом положит руку Ирке на плечо, делая вид, будто поддерживает ее в скорбные минуты. За время панихиды его рука переместится сначала на талию Ирки, а потом на ее бедро. «Безобразия», – подумала я и тряхнула головой, отгоняя грустные мысли.

Нагнувшись, я осторожно подняла с земли свой порванный пакет, аккуратно выкинула из него раздавленную бутылку с кетчупом. Тут мое внимание снова привлек лежащий на земле черный пакет. Я взяла его в руки. Такие конверты я видела у фотографов – в них обычно хранится светочувствительная бумага. Судя по толщине пакета и его плотности, а также по тому, что он был запечатан, именно она там и находилась.

Я огляделась вокруг, ожидая увидеть хоть кого-нибудь из гуляющих по двору жильцов нашего дома. Самой мне ввязываться в это дело почему-то не хотелось, и я надеялась, что кто-то из жильцов видел погоню, слышал выстрелы и сам сообщит о случившемся в милицию. Но как назло двор был пуст. Лишь у четвертого подъезда, самого дальнего от моего, возились у легкового автомобиля какие-то мужчины. Я посмотрела на часы. Девятый час – время очередной мексиканской телевизионной жвачки типа «Любовь и слезы Марианны».

– Ну и черт с ними, – неопределенно ругнулась я, не имея в виду никого конкретно, и быстрым шагом отправилась в подъезд.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, я своим ключом открыла дверь и с грохотом ее захлопнула.

– О-о-ль, – донесся до меня с кухни Иркин голос.

– Привет, – отозвалась я, бросив порванный пакет на пол, а ключи и найденный мною конверт на тумбочку в прихожей.

– Ты одна? – спросила моя подруга, и в коридоре зашлепали ее шаги. – А то я почти гол... го... Господи, боже мой!

Ирка появилась как раз в тот момент, когда я, стоя к ней спиной, снимала плащ. Сняв его и повернувшись к Ирке, я одарила ее ослепительной улыбкой и приняла позу модели на подиуме, картинно выставив вперед ногу с широкой затяжкой на колготках.

– Ну как я тебе? – спросила я, продолжая улыбаться во весь рот.

– Ну и видон! – ответила Ирка, вытаращив на меня глаза. – Ты что, с кем-то бурно поприказничала начало учебного года? Судя по грязному со спины плащу и порванным колготкам, не обошлось без секса на природе...

Я перестала улыбаться Ирке и из вредности повесила свой грязный плащ рядом с ее только что выстиранной джинсовой курткой. Но она ничего не заметила, продолжая тараторчить на меня.

– Да пошла ты, – огрызнулась я, – у тебя только одно на уме. Посмотрела бы я, как бы ты выглядела, если бы по тебе прошло стадо бизонов.

– Ну, стадо – это чересчур, – хмыкнула Ирка, – а некоторые молодые и полные сил бизончики, помнится, по мне проходились.

При этих словах взгляд Ирки сделался мечтательным. Она стояла в дверях, опершись о косяк. Из одежды на ней были лишь трусики и лифчик. У нее была стройная, хоть и слегка коренастая фигура, высокая грудь и кошачья манера двигаться.

За три года, прожитых в Тарасове, избавившись от строгого родительского надзора, Ирина сильно «продвинулась» как женщина. Она стала куда раскрепощеннее, словно и не было той застенчивой, даже закомплексованной девочки, которая три года назад уезжала из Карасева учиться «на медика». И уж конечно, за три года вольной жизни в Тарасове Ирка существенно повысила свой «сексуальный экспириенс» (так она любила выражаться). Более того, моя подруга развила бурную деятельность по увеличению поголовья своих женихов, проявив при этом недюжинные организаторские способности. Претендентов на ее руку и сердце было четверо. Предпочтение отдавалось курсантам военных училищ (трое) плюс случайно затесавшийся студент политехнического вуза. Все эти женихи так мирно уживались в течение трех лет по той простой причине, что жили они в разных городах и не подозревали о существовании друг друга. График посещений ими невесты составляла сама Ирка по мере поступления заранее поданных заявок. Рада она была всем, но по очереди. И с каждым строила планы будущей семейной жизни. В глубине души я даже восхищалась этими ее талантами.

Я снова улыбнулась, глядя на замечтавшуюся подругу, сняла с вешалки свой плащ и, подойдя к ней, сказала:

– Ирк, ты неисправима... Займись-ка ты лучше пакетом, в нем есть продукты, правда испачканные кетчупом, в том числе и хлеб. А я пойду замочу свой плащ, приму душ и через двадцать минут за ужином расскажу тебе, что со мной приключилось.

– В подробностях! – категорически заявила Ирка, наставив на меня указательный палец.

– Конечно, конечно, – ответила я, открывая дверь в ванную комнату.

Глава вторая

За ужином, уплетая пожаренную Иркой курицу, я рассказывала о приключении, в которое ухитрилась попасть у самого нашего подъезда. Ирка слушала внимательно, не перебивая. Наконец, когда я закончила, она философски произнесла:

– Да уж, попала ты под раздачу! Это наверняка какая-нибудь разборка. Тип, который убегал, похоже, или подставил кого-нибудь, или деньги задолжал.

– Вряд ли денежный долг, – возразила я, – зачем убивать должника, кто же потом деньги возвращать будет?

– А ты уверена, что его собирались убить? Может, его просто попугать хотели? Вот и пальнули пару раз в воздух.

– Может быть, и так, – пожала я плечами. – Только видела бы ты его лицо. У меня сложилось впечатление, что бежал он от смерти.

– Ладно, – сказала Ирка, – завтра газету купить надо – узнаем, от чего он бежал и убежал ли вообще. А ты, подруга, правильно сделала, что в ментуру не пошла. С ней свяжешься, сама потом жалеть будешь. Да и братки эти... Чего доброго, и тебе придется от них ноги делать.

– В тот момент я тоже так думала, – ответила я, – а сейчас мне как-то не по себе. Жалко этого парня.

– Ладно, прекрати, – оборвала меня Ирка, – рассулилась тут... Себя лучше пожалей! Не хватало тебе ввязываться в бандитские разборки.

– А может, тот, кто убегал, и не бандит вовсе? – возразила я. – У меня такое чувство, будто я его уже где-то видела. Лицо вроде знакомое.

– Как он выглядел? – спросила Ирка. – Я в нашем подъезде почти всех постоянных жильцов в лицо знаю.

Я напрягла память.

– Ну, невысокий такой, плотный. Волосы светлые, ежиком, если, конечно, они у него не от страха так вздыбились. Глаза голубые. Одет был в джинсовую куртку и темного цвета штаны. И еще от него сильно потом воняло.

– Скажите, пожалуйста! Какие подробности, – усмехнулась Ирка. – Впрочем, от страха не только вспотеешь, но и обдуешься, так что это не показатель его чистоплотности.

Ирка на несколько секунд задумалась.

– Вообще-то человека с такой внешностью среди постоянных жильцов нашего подъезда нет, точно. Может, снимает здесь квартиру?

– Но я точно его где-то видела, – сказала я упрямо, – вспомнить бы где.

– Ладно, – махнула рукой Ирка, – хватит париться по этому поводу. Ну пробежали они и пробежали. Ну свалили. Ну и что? Что от мужиков можно еще ждать? Это же животные. Для них, еще с давних времен, главные развлечения – охота и бабы. Сегодня охота была главнее. Но ты не расстраивайся, наступит и на нашей улице праздник.

Она встала, взяла со стола грязные тарелки и поставила их в раковину. Потом достала из кухонного шкафа чашки, налила мне и себе чаю.

– Кстати, о праздниках, – сказала Ирка, отхлебывая чаю, – ко мне скоро, может быть, даже на следующей неделе, придет один из моих возлюбленных. Помнишь Юрочку, курсанта из высшего командного училища?

– Это который из Курска? – спросила я.

– Из Курска это Володечка. Он тоже курсант, но будущий артиллерист.

Ирка проговорила все это таким раздраженным тоном, будто речь шла о моих ближайших родственниках, не помнить которых было тяжким грехом. В сущности, я понимала, что подруга просто хочет отвлечь меня от происшедшего, чтобы я не заикливалась на невеселых

мыслях. А какая тема, с точки зрения Ирки, лучше всего могла отвлечь женщину от проблем? Конечно, межполовые отношения. Поэтому она продолжала гнуть свою линию:

– Так вот, я и говорю, Юрка придет не раньше среды, у меня как раз закончатся женские дела. Я что думаю – пусть Юрка привезет с собой какого-нибудь дружка, а? Я уж попрошу его завтра, когда буду звонить, чтобы он прихватил кого-нибудь поздоровей и повыше.

– Это еще зачем? – насторожилась я.

– Как зачем? Тебе что, не нравятся здоровые? Пусть берет сублильного. Главное, чтобы высокий был. У тебя у самой, матушка, метр семьдесят три.

– Я имею в виду, зачем ты вообще кого-то приглашаешь? Терпеть не могу принудиловки и инкубаторства. Привезут тебе, понимаешь, какого-нибудь неандертальца, который слово «мама» с трудом выговаривает, и сидишь с ним целый вечер, не знаешь, что делать и о чем поговорить.

– Что делать, я тебе подскажу, – с надменной улыбкой ответила Ирка.

– Спасибо, не надо, – холодно сказала я. – Знаю я твои подсказки.

– Значит, не хочешь? – подвела итог разговора Ирка. – Сводничества не признаешь? Ну и будешь сидеть одна, принца ждать.

– Да, – отрезала я. – Ты уж там как-нибудь одна со своим Володечкой, Юрочкой или Геночкой.

– Ну и дура, – констатировала Ирка. – Ты еще вся карасевским мхом опутана.

Ирка встала и пошла из кухни. В дверях она неожиданно задержалась и, развернувшись, заговорила жестким тоном:

– Но если ты, как в прошлый раз, будешь Юрку своими длиннющими ходулями смущать, у нас с тобой, – тут она направила на меня свой указательный палец, – потом будет долгий и душераздирающий разговор.

Выдержав паузу, Ирка перевела свой указующий перст на раковину:

– Сегодня твоя очередь мыть посуду.

С этими словами она развернулась и, плавно покачивая бедрами, отправилась по коридору в свою комнату.

– Мне что теперь – каждый раз комбинезон надевать, когда твои женихи припираются?! – прокричала я ей вслед. – К тому же ты не учла мой цикл!

Но ответа я не получила. Из большой комнаты, которую занимала Ирка, донеслась громкая музыка и голоса – подруга включила телевизор.

Я быстро помыла и вытерла сухим полотенцем посуду, убрала недоеденные куски курицы в холодильник, места в котором было более чем достаточно. Выключила в кухне свет и отправилась в свою комнату. Проходя через прихожую, я случайно бросила взгляд на тумбочку, где лежал черный конверт, и снова вспомнила все, что со мной произошло. Я взяла конверт и пошла к себе.

В моем распоряжении была меньшая из двух комнат, но, на мой взгляд, более уютная. Обои, оставшиеся от прежних хозяев, имели приятные, теплые тона. На стены я повесила две дешевые репродукции – натюрморт и сельский пейзаж. Большую часть двери занимал календарь с портретом Хулио Иглесиаса. Рядом с кроватью стоял высокий торшер, привезенный из Карасева моей мамой. Уже лет десять он занимал неизменное место в моем изголовье – сначала в Карасеве, теперь перебрался сюда. И эта частица дома также добавляла уюта в мое нынешнее жилище.

Я плюхнулась на кровать и включила торшер. Несколько секунд, раздумывая, вертела черный конверт в руках. Любопытно было узнать, что внутри. Наконец я решилась и надорвала край. Если там светочувствительная бумага, то потеря будет не велика. Если же что-то иное, то зря я, что ли, сегодня натерпелась – в конце концов заслужила хотя бы право знать, что там.

Я распаковала конверт и, тряхнув им, высыпала на кровать содержимое. К моему легкому недоумению, это оказались фотографии.

– Зачем тогда было запечатывать? – вслух удивилась я, но, взяв в руки фотографии, начала кое-что понимать.

По мере того как я просматривала снимок за снимком, раскладывая их на кровати, точно карточный пасьянс, мое удивление и растерянность возрастали. Я чувствовала, что краснею, но в то же время было любопытно.

Почти все запечатленные на фотографиях сцены носили порнографический характер. Однако я быстро смекнула, что порнографией эти снимки не являлись. На них были изображены не позирующие актеры, а обычные люди, заснятые на пьянке и явно ни сном, ни духом не подозревавшие, что их снимают. Оглядев все фотографии еще раз, я окончательно пришла к выводу, что все они были сделаны скрытой камерой. Заснятые мужчины и женщины держались естественно, не позировали, не тарачились в объектив. К тому же на большинстве снимков ракурс был не очень удачный – как правило, камера располагалась где-то сверху и сбоку от центра действия.

Главной целью фотографа было не запечатлеть само эротическое действие, как это было на порнографических снимках и видеокассетах, которые мне, хоть и не часто, но доводилось видеть, а зафиксировать на снимке именно лица людей, занимающихся сексом.

Сначала шли несколько фотографий общего плана, охватывающих всю или почти всю компанию. Здесь были четверо мужчин и пятеро женщин. Интерьер, в котором делались снимки, однозначно говорил в пользу того, что действие происходит в бане. В пользу этого говорили и наряды участников. На дамах были, в лучшем случае, одни лишь трусики, мужчины прикрывали свои голые торсы простынями. Волосы почти у всех влажные и в беспорядке.

На групповых снимках было изображено застолье: невысокий столик сервирован закусками и обильно уставлен бутылками с горячительными напитками. Среди последних преобладала водка. Эротизм выражался пока лишь в том, что дамы обнимали и лобзали своих собутыльников.

Снимки же, которые я окрестила «персональными», были куда откровеннее. Камера выхватывала фрагменты банального полового акта.

На этих снимках фотограф уделил внимание лишь двоим мужчинам, причем одному из них отдал явное предпочтение. Это был довольно пожилой полный мужчина с обширной плечью на затылке, волосатой грудью и большим, свисающим складками животом. Фотографии легко рассортировались на две стопки. На одних толстячок занимался сексом с рыжеволосой женщиной крупных форм. Здесь он занимал активную позицию, то есть был сверху и, судя по эмоциям, отраженным на его лице, очень старался. На другой группе фотографий старикан, по-видимому, устал и перешел к «активному отдыху». Сменив пышнотелую партнершу на худенькую черноволосую нимфетку и посадив ее сверху, он лежал на спине с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на устах.

Я не могла понять, почему именно этот мужчина особенно приглянулся фотографу – с эстетической точки зрения любовные игры с его участием были не слишком привлекательны. Куда выигрышнее смотрелся более молодой и, судя по снимкам, более изобретательный художавый брюнет в паре с крашеной блондинкой.

Итак, внимательно рассмотрев все имеющиеся в моем распоряжении фотографии, я решила, что пора делать выводы. Их было несколько.

Фотографии, лежащие у меня на постели, являлись компроматом, и компрометировали скорее всего того самого лысого толстяка.

Совершенно ясно, что люди, преследовавшие на моих глазах парня в джинсовой куртке, не пугали его стрельбой в воздух, а всерьез хотели убить.

Не вызывал сомнения и тот факт, что целью их было добыть те фотографии, которые теперь находились у меня в руках.

Судя по всему, сегодняшний беглец и являлся фотографом, сделавшим эти снимки. Последний вывод вдруг совершенно неожиданно вызвал в моем сознании сцену двухмесячной давности.

В тот день, ранним утром, когда мы с Ириной стояли на остановке в ожидании автобуса, к нам стал клеиться невысокий светловолосый парень, одетый в белую рубашку с короткими рукавами, черные джинсы и кроссовки. Не помню, что он тогда говорил, обычный бессодержательный треп заигрывающего кавалера. Вообще-то такое случалось не раз, как-никак мы с Иркой не самые последние уродины в городе. Но этот парень запомнился мне тем, что на плече у него висела большая квадратная кожаная сумка, с которыми обычно ходят профессиональные фотографы. Его жидкие, коротко постриженные волосы торчали ежиком. Мы вместе влезли в автобус, где в давке его оттеснили от нас, после чего мы потеряли его из виду и даже не узнали, на какой остановке он сошел.

Теперь я была совершенно уверена в том, что парень, сбивший меня сегодня у подъезда, и кадривший нас два месяца назад на остановке фотограф – одно и то же лицо. Мне тут же приспичило рвануть в комнату к Ирке и сообщить ей о своем открытии. Но я спохватилась, бросив взгляд на разложенные фотографии – почему-то не хотелось показывать их Ирке, по крайней мере сейчас.

Я быстро собрала фотографии и положила их обратно в черный конверт. Спрятав его под матрас, встала и отправилась в комнату Иринки. Открыв без стука ее дверь, я просунула голову и тихо позвала:

– Ир...

Но Ирина не ответила. В комнате лишь оглушительно бубнил телевизор.

– Ира, – позвала я ее громче и, подойдя к телевизору, убавила звук. Моя подруга, лежа на боку, тихо посапывала, но, когда я окликнула ее в третий раз еще громче, зашевелилась и, не отрывая лица от подушки, сонно пробормотала:

– Чего тебе?

– Ир, я вспомнила того парня! – радостным голосом объявила я и начала излагать подробности своего экскурса в историю.

Ирка не сразу «въехала», о чем идет речь, а когда до нее дошло, она издала протяжный тоскливый вой и, взмахнув рукой, перевернулась на спину.

– Слушай, – завопила она, – ты достала меня за сегодняшний вечер своими рассказами! На кой черт мне сдался твой фотограф?! Чего ты вообще от меня хочешь?!

Ирка села на кровати.

– Ворвалась, понимаешь, к спящему человеку и загружаешь его всяким бредом.

– Откуда я знала, что ты спишь, – обиделась я. – У тебя телевизор так орет, что скоро все соседи придут жаловаться.

– Так, – сказала Ирка, хлопнув руками по коленям, – какого хрена тебе от меня надо? Что ты хочешь, чтобы я сделала? Узнала что-нибудь про этого фотографа?

– Ну, в общем, это было бы... – неопределенно начала я.

– Хорошо, – оборвала меня Ирка, – если он местный, это не проблема. Завтра мы с тобой пойдем к дяде Пете платить за квартиру. Если этот парень снимал квартиру в нашем подъезде, дядя Петя скажет нам, кто он и где его можно найти. А если его таки грохнули сегодня вечером, то мы узнаем об этом еще раньше – утром в новостях по кабельному телевидению.

Ирка бросила на меня взгляд снизу вверх и спросила:

– Все? Вопросы есть? Если нет, то выключай телевизор и шагом марш к себе в комнату!

Произнеся это, Ирка перекатилась на бок и натянула на себя одеяло, давая понять, что разговор окончен.

Я давно утвердилась в мысли, что выйти замуж за офицера для Ирки самое то – из нее вышла бы кондовая генеральша. Во всяком случае, общение с женихами-курсантами сильно милитаризовало ее словарный запас. Но, как всегда, Ирка сумела повернуть ситуацию так, что мне оставалось только подчиниться.

Я выключила телевизор и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью – маленькая месть этой грубиянке за понесенные мной моральные потери. Утром Ирка отправилась звонить своему курсанту. Я же, расположившись на застланной кровати подруги, смотрела новости по местному кабельному телевидению.

Кабельное телевидение было одним из немногих достижений цивилизации в области сервиса, которое коснулось микрорайона «Солнечный». Местный кабельный видеоканал так и назывался «Солнечный» и был настолько солидным, что даже имел свою программу новостей, правда, довольно скучных. Но блок криминальных сообщений в них был достаточно подробным. По крайней мере, в нем сообщалось о всех наиболее значимых происшествиях на территории района за последние сутки. Я просмотрела весь блок новостей – никаких сообщений об убийствах не было. Перечислялись кражи, драки, мелкие хулиганства, но ни одного «мокрого дела». У меня немного полегчало на душе, и я отправилась готовить завтрак.

Однако завтракала я в одиночестве – Ирка вернулась лишь к обеду. Полдня ей понадобилось, чтобы позвонить с центрального телеграфа и заодно заглянуть в парикмахерскую, где ее постригли и превратили из жгучей брюнетки в даму с волосами неопределенного цвета.

Неопределенного, по крайней мере, на мой непросвещенный взгляд: одни пряди остались черными, другие приобрели русо-пепельный оттенок.

Я сразу выразила свой скепсис по поводу этого макаронного эффекта на голове, но Ирка заявила, что я ничего не понимаю и что этот тип окраски волос – последний писк моды. Я не стала спорить, на сей раз у меня имелась на то причина: Ирка должна была выполнить для меня то, что обещала вчера вечером.

За обедом Ирка спросила:

– Новости смотрела? Что там?

Я кивнула.

– Никаких убийств. Когда идем к дяде Пете?

– Сегодня суббота, – напомнила мне Ирка, – значит, пойдем часа в четыре: они уже точно не работают, но еще не в жопу пьяные.

Так мы и поступили.

Около четырех часов дня мы с Иркой вошли в подъезд пятиэтажной «хрущевки» на окраине 6-го квартала и стали подниматься на пятый этаж.

– А ты уверена, что они здесь? – спросила я Ирку.

– Здесь-здесь, где им еще быть, – уверенно ответила она.

– Странное место для офиса, – заметила я.

– А это не совсем офис, – уточнила Ирина, – это у них что-то вроде комнаты отдыха. Между прочим, новая явка. От старой пришлось отказаться, так как «доброжелатели» засветили ее перед их женами.

– А ты про нее откуда в таком случае знаешь?

Ирка усмехнулась:

– Мне они доверяют, как человеку нейтральному.

Мы поднялись на пятый этаж, и Ирка позвонила в одну из дверей.

Дверь была металлическая, и в дверной глазок пробивался узкий лучик света, видимо, от лампочки, горевшей в прихожей. Через некоторое время за дверью раздался шорох, и лучик в глазке исчез: похоже, нас изучали. Еще через несколько секунд послышался голос:

– Кто там?

Я скептически посмотрела на Ирку, которая только что говорила мне о безграничном доверии родственников. Мою подругу это явно задело, и она со злостью в голосе произнесла:

– Девочки по вызову! Витька, ты кончишь придуряться? Открывай давай!

– Ирк, ты, что ли? – раздалось за дверью.

– А что, в глазок не видно? Или ты не в тот смотрел?

Загрохотал замок, дверь отворилась, и на лестничную площадку вышел племянник и компаньон дяди Пети Виктор.

«Вот он, «новый русский» на отдыхе», – подумала я, оглядывая его с ног до головы.

Рост средний, волосы вихрастые, словно только что поднял голову с подушки, большое довольное лицо. Взгляд прямой, немигающий, с застывшим в нем вечным вопросом российского бизнесмена, адресованным любому собеседнику: «Когда отдашь деньги?» Свежая белая майка, правда, уже слегка заляпанная чем-то, похожим на губную помаду, обтягивала плотный торс. Дорогие, но тоже чем-то заляпанные брюки. Волосатые руки по локоть засунуты в карманы.

– Ты что, не узнал, что ли – полчаса в глазок таращился? – спросила Ирка.

– Я смотрю, ты не одна, с какой-то незнакомкой, – начал оправдываться Виктор.

– Это Ольга, моя подруга, мы с ней вместе у вас квартиру арендуем.

– Да, а чё пришли-то?

– Деньги за сентябрь отдать, да и дело одно есть. Дядя Петя дома?

– Здесь он, здесь. Но если у вас к нему дело, это стремно, наверное, придется отложить. Он уже того – не в рабочем состоянии. Ладно, проходите, сами увидите...

Мы миновали маленькую прихожую и вошли в большую, хотя и проходную, залу двухкомнатной квартиры. Посередине стояли рядом диван и стол. На столе были холодные закуски – порезанная телятина и колбаса на тарелках, вскрытые банки рыбных консервов. Все это было мало тронут, а вот многочисленные бутылки горячительного изрядно початы. Две уже пустые бутылки из-под водки стояли на полу. К концу подходила литровая бутыл джина. Похоже, или Ирка ошиблась в расчетах, или родственник начал сегодня раньше.

На диване сидел сам король квартирного бизнеса, дядя Петя. Это был крепкий рослый мужчина лет пятидесяти с небольшим от роду. Крупная голова с обширными залысинами покоилась на многоскладчатом, словно мехи гармошки, подбородке. Раскинув руки по спинке дивана, дядюшка смотрел на нас тусклыми глазами без всякого выражения.

Однако все же до него дошло, что явились особи женского пола. Взгляд его слегка потеплел, и он покосился на Виктора:

– Вить, а ты что, еще телок вызвал?

– Какие телки, совсем сбрендил, старый дурень?! – бесцеремонно ответил ему Витек. – Это племянница твоя пришла, Ирка, с подругой.

– А... то-то я смотрю, что-то знакомое, – протянул дядюшка, уставившись на меня.

Однако, так и не найдя во мне черт своей любимой племянницы, он задал еще один вопрос все тому же Витьку:

– А зачем они пришли?

– Дело у них к тебе есть, – сказал Виктор, усаживаясь на табуретку. Руки он вынул наконец из карманов и положил перед собой на стол ладонями вниз.

– Дело? – переспросил дядюшка и, вздохнув, закрыл глаза. Видимо, от этого слова его клонило в сон.

– Дядь Петь, – заговорила Ирка и под села к дядюшке на диван. Дядюшка тут же открыл глаза и автоматически обнял Ирку.

– Ира, это ты? – спросил он, уставившись на нее. Виктор воздержался от комментариев, лишь устало покачав головой.

– Да я, я, – создалась Ирка. – Дядь Петь, у меня к тебе дело.

– Никаких дел на сегодня, – решительно сказал дядя Петя и, потянувшись к столу, свободной от объятий рукой налил себе еще джину. – Сейчас Витек сбегает еще за водкой, потом позвонит в агентство «Кристина» и вызовет нам девочек.

– Водки у нас – залейся, – тут же возразил Виктор. – А баб мы уже вызвали. Они в соседней комнате сейчас, уже два часа дрыхнут.

– Да? – снова переспросил дядя. – А почему? Я их что, так утомил?

Дядюшка уже начал было раздуваться от гордости за свершенные им сексуальные подвиги.

– Нет, утомил их я! Обоих! – с довольным видом осадил его Виктор. – А ты их просто достал своей половой несостоятельностью и назойливым трепом.

– Да? – уже с грустью переспросил дядюшка и поднес наполненный почти до краев стакан к лицу.

– Дядь Петь, может, ты не будешь пить? – предложила сидящая с ним в обнимку Ирка.

Дядюшка задумчиво смотрел на прозрачную жидкость в стакане, потом слегка плаксивым голосом заговорил:

– А может быть, я хочу напиться и... и...

Дядюшка медлил и не решался произнести это роковое слово. За него dokonчил Витька:

– И обдуться! Знаем, плавали. Всю обшивку у дивана пришлось сменить.

Дядюшка посмотрел на своего помощника и грустно сказал:

– Злой ты, Витек. Нехороший. Выгоню я тебя.

– Ну да, «выгоню». А кто, в натуре, вместо тебя, когда ты в запое, работать будет?

Дядюшка не ответил и начал медленно, но уверенно и не морщась поглощать содержимое своего стакана.

В этот момент Ирка поняла, что от дядюшки сегодня уже действительно толку не добиться, и обратилась к Виктору:

– Вить, раз такое дело, нам с тобой поговорить надо.

– О чем поговорить?

– Вопрос один есть. Может быть, ты нам поможешь.

– Ну, пошли, поговорим. – Виктор встал, опять засунул руки в карманы и заорал: – Ленка!

Из соседней комнаты вышла высокая светловолосая девица в мужской рубашке, наброшенной на голое тело.

– Ну чего? – лениво спросила она, облокотившись на дверной косяк.

– Займи их сиятельство.

Труженица на ниве любви перевела взгляд на дядюшку и уныло спросила:

– Чё делать-то?

– Что хочешь, лишь бы он не скучал.

Девица плюхнулась на диван рядом с дядей Петей. Тот тут же машинально обнял ее, как только что Ирку, и положил голову на ее пышную грудь.

Мы втроем вышли на кухню, Виктор закрыл дверь и спросил:

– Ну, что у вас там? Выкладывайте...

– Во-первых, на тебе двести рублей за сентябрь.

Виктор вынул правую руку из кармана и тут же засунул ее обратно вместе с деньгами.

– Чё еще? – спросил он.

– Вить, в подъезде, где мы живем, у вас есть еще какие-нибудь хаты, которые вы в аренду сдаете?

Виктор несколько секунд размышлял, потом ответил:

– наших нет, но недавно я одной тетке из однокомнатной на втором этаже нашел жилья, она просила. Сама у дочери живет, квартира стоит пустая. Вот она и обратилась ко мне, помоги, мол, только чтобы приличный человек был...

– А кто этот жилец? – спросила я.

– Вам-то он на хрена сдался?

– Да понимаешь, вчера Ольгу какой-то мудила у самого подъезда с ног сшиб. Бежал как оглашенный, а за ним еще два урода. Мы ему хотим иск вчинить за порванный плащ и колготки и за моральный ущерб, – соврала Ирка, не моргнув и глазом.

– Знаете, невысокий такой, толстенький, волосы ежиком, – начала я описывать внешность фотографа.

– Похож на Андрюху, – кивнул Витька.

– Он, по-моему, фотографом работает. Я его раньше с сумкой для аппаратуры встречала.

– Точно, он! – подтвердил Виктор. – Он и хату-то снял для того, чтобы фотолабораторию иметь. Дома у него условий нету.

– А где его можно найти?

– Не знаю, – пожал плечами Виктор, – наверное, в этой квартире и можно, что в вашем подъезде. А кто, ты говоришь, за ним гнался?

– Кабы мы знали, – вздохнула Ирка. – Так ты говоришь, второй этаж, номер-то квартиры какой?

– Пятый.

– Ну, ясненько. Раз ты о нем больше ничего не знаешь, тогда мы пошли.

– Ну, вообще-то адрес, где он прописан, у меня есть, – нерешительно протянул Виктор, – но, по-моему, он там не живет. Так, во всяком случае, мне сказал, а там кто его знает...

Виктор достал из заднего кармана брюк записную книжку и, полистав ее, сказал:

– А, вот он. Андрей Канарейкин, Буровая, 15.

– Спасибо, Витя, – поблагодарила его Ирка.

Мы вышли из кухни и через залу отправились в прихожую. На диване царила идиллия: дядя Петя, словно большой младенец, посапывал на груди у девицы, она же, в свою очередь, прикорнула, уткнув лицо в его обширную лысину.

Глава третья

Когда мы с Иркой подходили к своему подъезду, у меня родилась идея.

– Ирк, давай поднимемся на второй этаж и навестим фотографа в его жилище, – озвучила я мысль подруге.

– Да его там наверняка нет, – отмахнулась Ирка.

– Ну и что, – не отставала я, – попробовать-то можно.

С этими словами я направилась по лестничному маршу на второй этаж.

– Вот, черт. Сдался он тебе, – устало произнесла Ирка, но все-таки пошла вслед за мной.

Остановившись у квартиры номер 5, я коротко позвонила. Подождала несколько секунд, потом повторила попытку. За дверью царил тишина.

– Ну, что? Убедилась? Пошли домой, – сказала Ирка и подошла к лифту с намерением его вызвать. Я на всякий случай еще раз нажала на кнопку звонка и в некотором раздражении слегка ткнула ногой дверь.

К моему и Иркиному удивлению, дверь оказалась не заперта, а лишь плотно прикрыта. От моего пинка она медленно распахнулась, издав омерзительный, протяжный скрип, который оборвал лишь тупой удар створки о стену прихожей.

Перед нами открылся коридор обычной однокомнатной квартиры. Голые обшарпанные стены, старенькая, выдавшая виды дверь санузла. В общем, ничего особенного. Однако меня охватила какая-то странная нервная дрожь. Нечто подобное, видимо, происходило с моей подругой. Она немигающим взглядом уставилась в открытую дверь.

Я решила воспользоваться случаем, пока Ирка не спохватилась и не запричитала, что пора домой, и переступила порог квартиры. Ирка машинально и, слава богу, молча последовала за мной.

Я закрыла за нами дверь и прошла в комнату. Это была обычная комната, сдаваемая в аренду жильцам. Минимум мебели, минимум уюта. Обои не менялись уже лет десять, с потолка кусками осыпалась побелка. Но даже то небольшое количество мебели и вещей, которое присутствовало в комнате, было буквально перевернуто вверх дном. Матрас, подушка и одеяло, скинутые с кровати, валялись на полу, причем матрас был испорчен. Из старого комода вытряхнули все имеющиеся в нем ящики, двери пустого шкафа были распахнуты настежь. Посреди комнаты валялся перевернутый стул, рядом с которым лежал кусок бечевки.

Любой дилетант в криминальных делах, попавший в подобную обстановку, без труда сделал бы вывод, что в этой комнате происходили борьба, обыск, захват заложника. Располагая дополнительным объемом информации, я могла сделать вывод, что, видимо, бечевкой фотограф был связан, но ему удалось каким-то образом освободиться и бежать. Причем последнее было неожиданностью для его стражей, поскольку фора, имевшаяся у беглеца перед преследователями, была значительной.

Что искали бандиты в квартире фотографа – мне было ясно, поскольку волею случая искомое находилось теперь у меня. Однако я забыла о немаловажной вещи: были ведь негативы, с которых делались снимки. О них я вспомнила, когда осматривала ванную комнату, на полу которой валялись несколько проявленных и высушенных фотопленок. Я просмотрела все их, но той, с которой были сделаны имеющиеся у меня фотографии, среди них не было. Или эту пленку унес с собой фотограф, или ее забрали бандиты.

В ванной комнате на тумбочке стояла уже знакомая мне кожаная сумка фотографа. Она была раскрыта. Осмотрев ее содержимое, я пришла к выводу, что все вооружение фотографа на месте, по крайней мере, с моей непрофессиональной точки зрения. Фотоаппарат был не заряжен, задняя крышка открыта. В специальных гнездах покоились фотовспышка и аккумуляторные батареи. Тут же находился сменный фотообъектив для дальней съемки. Вся аппара-

тура была дорогой. Почему же фотограф за ней не явился ни вчера, ни сегодня, хотя никакой засады в квартире не было?

С моей точки зрения, это означало лишь одно: убежать фотографу не удалось. Его или убили, скрыв тело, или снова взяли в плен.

Тут наконец опомнилась молча ходившая за мной по пятам Ирка.

– Оль, – взяла она меня за локоть, – пошли отсюда.

– Да, – согласилась я, – пожалуй, можно уже уходить. Все, что можно было узнать от посещения этой берлоги, я уже узнала.

Мы молча двинулись к выходу.

Выйдя вслед за Иркой на лестничную клетку, я аккуратно прикрыла дверь, и мы поднялись пешком на свой пятый этаж. Когда за нами закрылась дверь, Ирка, видимо, почувствовав себя на своей территории, вновь осмелела.

– Ну, и скажи мне на милость, какого хрена мы поперлись в эту конуру на втором этаже?

– Мы узнали очень важную вещь, – буркнула я в ответ, снимая туфли, и, сунув ноги в тапочки, сразу же отправилась в свою комнату. Настроение у меня было далеко не самое лучшее, и мне хотелось побыть одной. Но Ирка не собиралась оставлять меня в одиночестве.

Уже через минуту она появилась в моей комнате, застегивая на ходу халат.

– Ну, позволь узнать, какую же важную информацию ты получила, роясь в сумке этого, как его, Канарейкина?

Я молча натянула домашние шорты и, сняв лифчик, надела легкую футболку. Убрав вещи в шкаф, я решила, что довольно тянуть паузу, и ответила уже начавшей терять терпение подруге.

– Он в плену или убит, – коротко и категорично констатировала я.

– С чего это вдруг ты делаешь такие выводы? – несколько опешила Ирка.

– С того, что будь он на свободе или жив, он вернулся бы за своей аппаратурой.

– Но ведь тела не обнаружили, – парировала Ирка, – сама говорила.

– Тело могли скрыть, но давай думать, что он жив. По крайней мере, мне так комфортнее, – сказала я.

– А зачем ему возвращаться из-за какой-то аппаратуры? – не унималась Ирка. – Здесь же могла быть засада!

– Он мог прийти сюда вместе с ментами, наврав им что-нибудь. А аппаратура, насколько я понимаю, у него дорогая. Один фотоаппарат «Nikon» несколько тысяч стоит.

– Откуда это ты все знаешь? – недоверчиво спросила Ирка.

– В школе фотографией увлекалась, даже в фотокружок ходила в восьмом-девятом классах.

Ирка несколько секунд размышляла над моими словами, после чего круто сменила тему:

– В общем, так: я устала от этих бесконечных базаров о фотографe. Я есть хочу, а сегодня, между прочим, твоя очередь готовить.

Вечером мы ужинали в зале за просмотром какого-то скучного детектива. На ужин я пожарила картошки и вскрыла последнюю банку маминых малосольных огурцов. Мать, зная о моей любви к соленьям, постоянно тащила с собой эти тяжелые банки, когда приезжала навестить меня. Я пыталась протестовать, просила маму больше не надрываться, но в душе всегда была очень рада этим подаркам.

Ирка же, равнодушная к соленому, налегала больше на картошку. Поэтому я, не стесняясь, съела и ее порцию малосольных огурчиков.

Фильм был абсолютно неинтересным. А может быть, выдуманная интрига не могла конкурировать с реальной, в которой я волей случая оказалась задействована. Мысли мои постоянно возвращались к бедолаге фотографу с такой смешной фамилией – Канарейкин, влип-

шему, отчасти из-за меня, по самые уши. Хотя для этого было не так уж много оснований, я все же переживала.

Ведь если предположить, что его поймали и требуют фотографий, бедняга понятия не имеет, где их искать. А от этого, может, зависит его жизнь.

Фильм закончился. Я так и не поняла чем, так как почти не смотрела его. Иринка встала, собрала посуду с остатками пищи и отправилась на кухню мыть ее. Я осталась сидеть у телевизора, медленно дожевывая последний огурец. И вдруг, неожиданно для самой себя, перестала жевать и переключила все свое внимание от невеселых мыслей, бродящих у меня в голове, на экран телевизора.

На экране после очередного рекламного ролика появился солидный мужчина возраста лет пятидесяти в сером твидовом костюме и дорогом, модном галстуке с золотой заколкой. Остатки седых волос были тщательно уложены, взгляд темных глаз излучал спокойствие и уверенность в себе. Под стать ему был и голос: ровный, с легкой хрипотцой.

Мужчина сидел в рабочем кабинете за обширным столом, удобно расположившись в большом кожаном кресле. До меня словно из далека донеслись его слова.

– Уважаемые избиратели! – говорил он своим ровным баритоном. – Я не сомневаюсь, что вы сделаете достойный выбор из предложенных вам кандидатур. Некоторые из кандидатов в депутаты, повинаясь законам предвыборной борьбы, стараются приукрасить в речах, на митингах и встречах с избирателями свои заслуги и щедро раздают обещания. Ничем подобным я заниматься не буду – заявляю это со всей ответственностью! Я не собираюсь скрывать свои доходы и менять образ жизни, который эти доходы позволяют мне вести. Я не собираюсь также сулить вам золотые горы и райские кущи. Не собираюсь и морочить вам голову, уверять, что, став депутатом, буду участвовать в принятии каких-либо законов, которые якобы улучшат вашу жизнь где-нибудь и когда-нибудь. – Мужчина выдержал театральную паузу и продолжал: – Моя программа четкая и реалистичная: все ее пункты – это конкретные мероприятия, связанные с вложением денег, которые я имею. Если эти пункты будут выполнены – а они обязательно будут выполнены в случае моего избрания, – округ, в котором я баллотируюсь, получит реальную пользу, выраженную материально: новый водопровод взамен изношенного, отремонтированную автодорогу, новый детский садик с льготами для детей малоимущих родителей и прочее по пунктам программы, которые изложены в моих листовках. Выбор за вами, господа избиратели! Или поддаться уговорам кликуш и лгунов, или получить в свое пользование конкретные материальные ценности! Не ошибитесь, господа! Спасибо за внимание, до свидания.

Картинка с мужиком исчезла, на экране появилась заставка, и голос диктора за кадром сообщил, что перед зрителями видеоканала «Солнечный» выступил кандидат в депутаты областной Думы по третьему избирательному округу Борисевич Семен Михайлович, президент банка «Агрессия».

– С ума сойти! – проговорила я вслух. – Кто бы мог подумать! Вот уж неожиданность – узнать в этом солидном и «конкретном» мужике, кандидате в депутаты и президенте банка, того старого, толстого и волосатого поклонника банного секса. Круто!

– О чем ты? – спросила меня входящая в комнату Ирка.

В этот момент на экране появился золотой пляж, омываемый лазурным морем – ролик с рекламой отдыха на Кипре. Ирка подумала, что речь идет о нем, и сказала:

– Да, действительно, красиво, – и поставила передо мной чашку с чаем.

Я не ответила ей, сидела молча, переваривая увиденное.

– Неплохо бы к следующему лету скопить денег и поехать куда-нибудь. Ну хотя бы в Анталию или на Кипр...

Я встала, не дослушав до конца Иркин мечтательный монолог, и отправилась в свою комнату.

– Куда это ты? – спросила Ирка, удивленная нападшим на меня приступом молчания и моим внезапным уходом. – Сейчас фильм будет эротический...

Через несколько секунд я вернулась и бросила на кровать рядом с Иркой черный конверт с фотографиями.

– У меня есть кое-что поинтереснее, причем на ту же тему.

Ирка недоуменно уставилась на конверт, лежащий на ее кровати, потом на меня и спросила:

– Что это?

– Порнуха, – коротко ответила я.

– Да-а, – изумленно протянула Ирина и быстро стала вынимать содержимое из конверта. Как только Ирка увидела первые снимки, глаза ее заблестели, и она стала активно перебирать фотографии, то и дело охая и ахая.

Однако, когда Ирка пошла проглядывать снимки по второму кругу, восторгов резко поуменилось.

– Слушай, – сказала она наконец, уже машинально тасуя колоду фотокарточек. – Это, конечно, порнография, но какая-то не такая. Тетки – еще куда ни шло, есть на что посмотреть, а мужики какие-то старые, рыхловатые, никакого кайфа. И вообще похоже на любительскую съемку, когда по пьяни друг друга трахают и фотографируют. Откуда они у тебя?

– Это не любительская съемка, – ответила я ей. – Снимал профессиональный фотограф, но скрытой камерой. Отсюда такие неудачные ракурсы. И это на самом деле не порнография – это компромат на тех мужиков, которые здесь запечатлены. Ты хоть знаешь, что такое компромат?

Я взяла у Ирки фотографию.

– Теперь самый главный вопрос – откуда они у меня? Хотя могла бы и сама догадаться, – я многозначительно посмотрела на Ирку, та ответила мне непонимающим взглядом. – Эти фотографии, – продолжала я, – нес с собой фотограф, тот самый Канарейкин, убегая от своих преследователей. Когда он налетел на меня, конверт с фотографиями случайно выпал у него из кармана куртки. Он этого не заметил и побежал дальше. После чего его скорее всего поймали. Теперь ты понимаешь наконец, почему я так переживаю? Если его поймали и требуют с него фотографии – а как требуют бандиты, ты себе представить можешь, – так ведь он даже не знает, где эти фотографии. Он не может отдать их мучителям, а что он их потерял, все равно никто не поверит.

– А кто эти люди, изображенные на снимке, и зачем твой Канарейкин их фотографировал? – поинтересовалась Ирка.

– Зачем он их фотографировал – я точно не знаю. Могу только предполагать. Но все снимки были сделаны скорее всего ради одного человека – вот этого волосатого пузана, – я показала Ирке один из снимков. – Он банкир. Его зовут – Борисевич Семен Михайлович. Возглавляет банк «Агрессия».

– А это ты откуда знаешь?

– Оттуда, – я указала на телевизионный экран. – Этот толстый сексуальный гигант – кандидат в депутаты по третьему избирательному округу. Он только что выступал по телевизору со своей предвыборной программой.

– Банкир – это серьезно, – задумчиво произнесла Ирка, – и зачем этому Канарейкину понадобилось связываться с ним? Он что, дурак, что ли?

Мне стало жалко несчастного фотографа, попавшего в беду.

– Как ты можешь так говорить? – вступилась я за него. – Может, он проводил журналистское расследование, хотел показать истинное лицо этого будущего народного избранника, который на поверку оказался распутником и бабником!

– Ну и что? – спокойно пожала плечами Ирка. – Что же его теперь из-за этого избрать нельзя? Лично я его за это только уважаю. Нормальный мужик, любит выпить и погулять. А от депутатов все равно никакого толку.

– Ну знаешь, я тебя не понимаю, – произнесла я, но тут же осеклась, сообразив, что в чем в чем, а в этом Ирку мне не переубедить. – Хорошо, черт с ним, пусть избирается куда хочет, – зашла я с другой стороны, – но речь-то идет о конкретном человеке, который попал из-за меня в беду. (Тьфу ты, теперь и ко мне привязалось это дурацкое слово «конкретный»!) И это меня очень тревожит.

– И что же ты предлагаешь? – спросила Ирка. – Как спасти этого Канарейкина?

– Надо его обменять, – решительно заявила я.

– На кого – на тебя, что ли? – усмехнулась Ирка.

– На фотографии, дура, – отрезала я.

– Каким образом? – спросила она.

– Очень просто. Мы позвоним Борисевичу, назначим встречу, поставим условие, чтобы явился с Канарейкиным. Мы отдадим ему фотографии – он нам фотографа.

– На черта он сдался, – буркнула Ирка, – тоже мне подарок.

Она задумалась на несколько секунд, потом спросила:

– Как же мы все это будем делать?

– Честно говоря, не знаю, – сказала я. – Надо вспомнить, как в кино обменивают разведчиков друг на друга... Что-нибудь придумаем. Но это надо сделать как можно скорей. Завтра же позвонить Борисевичу и назначить встречу. Ведь они в любой момент могут его прикончить!

– Знаешь что, – сказала Ирка, – я в этих делах ничего не понимаю.

– Ладно, я сама все придумаю, – категорично заявила я, укладывая фотографии в конверт, – но одной мне, пожалуй, не справиться. Ты мне поможешь?

– Если это не очень опасно, – неуверенно протянула Ирка.

– Договорились, – сказала я и отправилась в свою комнату.

Уединившись в ней, я приступила к разработке плана дальнейших действий, хотя опыта в делах вызволения заложников у меня не было никакого. Но, как это часто бывает в жизни, подспорьем мне стала детективная литература.

Хитом сезона в этом году была писательница Марина Серова, чьими многочисленными повестями я зачитывалась. Героиня этой писательницы – молодая девушка Таня Иванова, частный детектив, с честью выходявшая из самых опасных ситуаций, в которые по роду своей деятельности попадала. Я попыталась поставить себя на место Тани Ивановой: как бы она решила данную проблему?

У меня получилось следующее. Встреча обязательно должна была состояться в ресторане: во-первых, потому что героиня Марины Серовой вообще частенько любила посидеть в этих заведениях, а во-вторых, ресторан был самым подходящим местом для такой операции: это людное место, но не настолько, чтобы там можно было потеряться, все посетители на виду, наверняка имеются запасные выходы на случай экстренного отхода. Выйти же на Борисевича я решила через штаб его избирательной кампании. Далее я приступила к разработке самой важной части плана – процедуры обмена Канарейкина на пачку фотографий, сделанных им же. В результате долгих размышлений я представляла себе ее следующим образом. В назначенное время я буду сидеть в ресторане, попивая кофе, и наблюдать за всеми входящими. Как только появится Борисевич со своим пленником, я, не означая себя, через официанта передаю ему записку, в которой сообщаю, что я в зале и что пленника можно отпускать. После того как фотограф уходит, я, также через официанта, отсылаю конверт с фотографиями. Идея казалась простой и изящной, и я не сомневалась, что все произойдет, как задумано – как это,

собственно, и бывает в детективах. Знала бы я тогда, что это на бумаге все легко и просто, а в жизни...

Чтобы не смущать свою подругу ночными разговорами, я сообщила ей о своем плане лишь утром, за завтраком. Ирке план тоже понравился.

– А в каком ресторане назначим встречу? – спросила она, кладя в рот кусок яичницы.

– Но это тебе решать, ты же у нас три года в Тарасове живешь. Судя по твоим словам, ты все крупные кабаки города изучила, как свои пять пальцев.

Ирка замешкалась и слегка смутилась.

– Я не то имела в виду. Мы в основном по пивбарам ходили, а в ресторане я была только в одном, в «Олимпе», на пересечении Кирова и Большой Литовской.

– Ну и как там – приличное место? – поинтересовалась я.

– Да так себе – нормально, – неопределенно сказала Ирка.

– Большой ли зал, – продолжала я расспросы, – как расположен вход, есть ли бар?

– Ну ты спросила, – возмутилась Ирка, – откуда ж я помню? Если честно, я в этом ресторане почти и не была.

– Как это? – удивилась я.

– Мы туда ради туалета зашли с пацанами. Поздно уже было, все закрыто, а вот ресторан работал. И пока там пацаны у стойки бара тусовались, цены спрашивали, то да се, я быстренько посетила туалет. А потом мы ушли оттуда – денег у нас все равно не было.

– Не густо, – сказала я, – в плане информации. Но хоть что-то знаем, что там есть бар и где находится туалет.

– Да, туалет-то я хорошо помню – он очень чистый был. Прямо по коридору, мимо входа в зал, а потом налево.

– Ну и хорошо, – сказала я, вставая, – встречу назначаем на сегодня. Я пошла звонить Борисевичу.

Ирка как-то вся внутренне напряглась и спросила неуверенно:

– Может, подождать немножко?

– Чего ждать, – спросила я, – пока они Канарейкина прикончат?.. Нет, как говорил вождь, промедление смерти подобно, – решительно подвела я итог разговора и, встав из-за стола, пошла одеваться.

Телефон штаба Борисевича мне долго искать не пришлось: на остановке автобуса висела свеженаклеенная листовка с его портретом и программой. В самом конце текста был указан контактный телефон, по которому можно было связаться с его избирательным штабом. Я добрела до ближайшего телефона-автомата и набрала указанный в листовке номер телефона.

Трубку немедленно взяли, и какая-то женщина мелодичной скороговоркой протараторила, в чей избирательный штаб я попала. Я сообщила ей, что хочу поговорить с Борисевичем.

– По какому вопросу? – спросила меня секретарша.

– По личному, – ответила я.

Похоже, личными вопросами господина Борисевича в этой конторе занимались особи мужского пола и старшие по званию, поскольку секретарша холодным тоном проговорила «минуточку», после чего трубку взял какой-то мужчина, представившийся доверенным лицом кандидата в депутаты.

– Что вы хотите передать господину Борисевичу? – спросил он.

Я подумала и не нашла ничего лучше, как ляпнуть:

– Информацию о бане и бабах.

– Не понял, – холодно сообщило мне доверенное лицо, – вы, наверное, не туда попали. Здесь избирательный штаб, а не психдиспансер.

– Это я прекрасно понимаю, – ответила я, – но вы все же передайте мои слова господину Борисевичу, он, в отличие от вас, проявит больше понятливости.

– Минуточку, – стандартно заявило доверенное лицо, и включился музыкальный проигрыш.

Мне уже стало надоедать пикиканье Моцарта в телефонной обработке, когда музыка наконец прервалась и в трубке послышался хорошо поставленный, чуть-чуть с хрипотцой, голос:

– Борисевич слушает.

Я сразу узнала в нем голос человека, выступавшего по телевизору, и почему-то растерялась. Несколько секунд я молчала, пока снова не услышала голос Борисевича:

– Алло! Я вас слушаю.

– Алло... Я... Я звоню по поводу фотографий, тех, что были сделаны в бане с вашим участием. Они сейчас у меня.

– Кто вы и что вы хотите? – спросил Борисевич.

– Я хочу, – сказала я, проигнорировав первый вопрос, – чтобы вы отпустили захваченного вами Канарейкина. Взамен вы получите фотографии.

– Где и когда я смогу их получить? – произнес он после паузы.

– Сегодня вечером, – сказала я, – о месте я сообщу вам чуть позже. На встречу вы придете вместе с Канарейкиным. Как только я буду уверена, что он свободен и его уходу ничто не препятствует, я передам вам фотографии.

– Хорошо, – глухим голосом ответил мне Борисевич, – когда вы позвоните?

– Около шести вечера, – сказала я и повесила трубку.

Глава четвертая

В 18.20 из телефонной будки недалеко от ресторана «Олимп» я еще раз созвонилась с Борисевичем и назначила ему встречу в ресторане на семь вечера. Повесив трубку, я повернулась к ожидавшей меня Ирке:

– Порядок. Клиент будет через сорок минут. Айда занимать исходную позицию.

Завернув за угол, мы прошли метров пятьдесят и оказались у входа в ресторан «Олимп». Белые пластиковые двери издавали, открываясь, тихое треньканье, оповещающее дежурившего в холле швейцара о приходе гостей. Швейцар, однако, не обратил на нас никакого внимания. Он сидел на стуле в углу холла, рядом с пустующим гардеробом, и читал какую-то красочную газету с полуголыми девицами на обложке. Мы миновали холл и вошли в длинный коридор, в самом начале которого, справа от нас, находился вход в зал ресторана.

Здесь-то нас и поджидали первые сюрпризы этого вечера. Перед входом стоял и курил молодой человек лет тридцати, в черных брюках, черной жилетке поверх белой рубашки и красном галстуке-бабочке. Лицо у него было тщательно выбритое, розовое, на носу – круглые очки-пенсне. Сильно редящие на голове волосы были коротко пострижены и прилизаны. В углу рта едва держалась зажженная сигарета с белым фильтром. Глаза смотрели меланхолично, слегка тоскливо.

Первое впечатление от беглого взгляда на этого индивидуума – финансовый брокер после тяжелого трудового дня. Только что, путем невероятных усилий и хитроумных комбинаций, обрушены в цене акции районной спичечной фабрики. Теперь он – владелец большого количества спичек. Ему радостно от этой мысли и немного грустно от другой – куда теперь девать эти акции и эти спички. Именно такими изображают финансистов в фильмах. Но одна деталь в облике молодого человека говорила, что он не финансист. Это было белое полотенце, висевшее у него на сгибе руки и говорившее, что его владелец – всего лишь официант.

– Куда? – обратился он к нам с ленивым высокомерием в голосе.

– Туда, – указала пальцем на зал ресторана Ирина.

– Чё делать-то? – спросил он, оглядывая наши наряды.

Поскольку последние два дня стояла сильная жара, мы надели короткие юбки, а Ирка еще и блузку с таким вырезом на спине, как будто собиралась загорать.

– А что, по-твоему, можно делать в ресторане? – вопросом на вопрос ответила Ирка и шагнула мимо него в зал.

Я последовала за ней, но тут этот меланхолик вдруг проявил неожиданную прыть. Он одним прыжком заслонил нам дорогу и стал теснить обратно, подталкивая меня своими потными руками в грудь.

– Минуточку, минуточку, – приговаривал он при этом.

– В чем дело, мальчик? – возмутилась Ирка, чей опыт посещения кабаков давал ей основание ожидать более радушный прием.

– Дело в том... девочка, – очкарик затаился и выпустил в лицо Ирке облако дыма, – что местов нету.

– Как нету? – в один голос удивились мы с Иркой и оглядели зал за спиной официанта.

Народу в ресторане уже было немало, но даже при беглом осмотре обнаружилось несколько незанятых столиков.

– Есть же свободные столики, – робко возразила Ирка, смущенная хамством этого придурка.

– Все заказаны, – с полнейшим хладнокровием ответил он и стряхнул пепел прямо нам в ноги.

Несколько секунд мы стояли молча, не понимая, что происходит. Я совсем растерялась: весь мой план рушился из-за этой «красной бабочки»! Не меньше моего была растеряна Ирка. Наш бледный вид явно доставил прилизанному официанту удовольствие. Он широко улыбнулся, вынул изо рта сигарету и сказал деловито:

– Ну ладно, мы можем договориться. Если хотите работать в ресторане в мою смену, столик я вам выделю, но при одном условии – с каждого клиента отстегиваете мне стольник. Лады?

До меня смутно начало доходить, о чем он говорит. Но еще до того, как мне стало окончательно ясно, за кого нас принимают и, соответственно, что нам предлагают, я решительно произнесла:

– Лады. Гони столик, за нами не заржавеет.

Иринка широко раскрытыми глазами уставилась на меня. Потом снова перевела взгляд на официанта и спросила его:

– Слушай, а просто пожрать в вашем ресторане можно?

– Просто пожрать, то есть на халяву, можно только в мышеловке или в КПЗ, но я тебе это не советую, – авторитетно заключил он и сделал приглашающий жест.

Ведомые официантом, мы прошли по залу и остановились у столика, на котором стояла прислоненная к вазе с искусственными цветами табличка «Стол заказан». Официант убрал табличку и жестом пригласил нас садиться.

– А меню у вас попросить можно? – спросила Ирка.

– Зачем? – усмехнулся он. – Жрать вы все равно не будете, дождетесь, пока клиенты закажут. А коктейль сами себе в баре возьмете. Да, и не вздумайте меня кинуть – хуже будет. Как клиента подцепите – стольник мне, усекли?

Произнеся эту напутственную речь, он удалился по своим делам.

– Вот что, Ирка, – обратилась я к подруге, когда он отошел на приличное расстояние, – нам надо хоть что-нибудь заказать, нельзя так сидеть. Сходи в бар, закажи два самых дешевых коктейля.

И я протянула Ирке заветные пятьдесят рублей – все, что удалось скопить за две недели. Ирка взяла деньги и отправилась к бару своей танцующей походкой. Я стала осматриваться. Зал был не очень большой, но уютный, в отделке преобладали персиковые и розовые тона, свет был слегка притушен, звучала тихая музыка. Небольшой оркестр располагался в дальнем от нашего столика углу зала, на невысокой эстраде. В ресторане хорошо работала вентиляция, поэтому душно и жарко не было.

Из бара возвращалась Ирка в своей обычной манере, сильно покачивая при ходьбе бедрами. Почему-то именно сегодня эта ее походка меня раздражала. Еще больше вывела меня из себя закупленная в баре выпивка: Ирка несла две высокие банки пива «Хольстен» и здоровенный пакет чипсов. Ну, это уж слишком!

– Ты что, в пивнушку завалилась, что ли? – накинулась я на нее ожесточенным шепотом. – Не могла пару дешевых коктейлей заказать?

– Всех твоих денег на один коктейль бы и хватило, мы что, его по очереди пить будем? – огрызнулась Ирка.

– Ну хотя бы заказала баночный джин с тоником. Почему именно пиво с чипсами?

– А я люблю пиво и чипсы, – отрезала Ирка, вскрывая банку «Хольстена». – И вообще кончай на меня наезжать. Мало мне того, что нас из-за тебя в путаны записали!

– Почему это из-за меня? – удивилась я.

– А чья это идея – припереться в ресторан? И кто согласился с условиями этого очкарика платить стольник за клиента?

– А ты бы еще в купальнике явилась, нас бы на самом входе сняли.

– А что, как ты, что ли, секретаршей здесь выглядеть? Белая блузка, черная юбка – верх элегантности.

– Тебя, дура, послушалась. Надо было идти в футболке и джинсах.

– Как деревня, – резюмировала Ирка. Она закинула голову и положила в рот приличную горстку чипсов. Несколько секунд она хрустела ими во рту, затем отхлебнула большой глоток пива из банки.

Я тяжело вздохнула и мельком посмотрела на часы. Было без десяти семь. Все время, пока мы находились в ресторане, я не переставала следить за входящими посетителями. Почти сразу после нас в зал вошли двое солидных мужчин лет сорока пяти – пятидесяти. Они заняли один из пустующих столиков и сделали заказ, из которого сразу принесли водку и салаты. Чуть позже их стол был уставлен большим количеством аппетитных блюд, которые они, уже разогретые водкой, стали активно и методично поглощать. Эти, похоже, пришли в ресторан плотно и со вкусом поесть под тихую приятную музыку, подальше от изрядно доставшего их семейного счастья.

После них появилась группа молодых людей – два парня и две девушки. Они почему-то усадились на высокие табуретки у стойки бара и заказали коктейли и мороженое. Все четверо весело смеялись и вели себя раскованно. Вечер у них только начинался, когда, где и чем он закончится, никто не предполагал.

Пришла также пожилая пара, занявшая один из заказанных столиков, недалеко от нас. Эти ели мало, больше танцевали, не пропуская ни одной медленной мелодии. Видимо, за этим занятием их посещали приятные воспоминания. Оба улыбались, бережно поддерживая друг друга.

По мере приближения часа «Х», мое нервное напряжение возрастало. Я ждала какого-то подвоха, какой-то неожиданности, к которой не была готова. Чем больше я думала о своем плане, тем отчетливее понимала все его несовершенство. Ирка невозмутимо дула пиво и хрустела чипсами. Около семи появилась ресторанный певица – дама балетного возраста в сверкающем блестками платье, взгромоздилась на эстраду и, поздоровавшись с жующими посетителями, запела противным тоненьким голоском какую-то молодежную песенку.

Я посмотрела на часы – было ровно семь вечера. Похоже, никто и не думал являться на назначенную встречу. Не знаю почему, но мне вдруг страшно захотелось домой. Вот так просто взять и сбежать отсюда, послав к чертовой бабушке все эти затейные мною игры с фотографиями. Я покосилась на входную дверь и в следующую секунду поняла: поздно! Поздно, потому что игра началась, и началась она самым неожиданным для меня образом. Предчувствие меня не обмануло. В дверях ресторана стояли двое крепких, молодых людей. С первого же взгляда я опознала в них тех двух преследователей Канарейкина, которые пронеслись в пятницу вечером мимо меня. Про себя я окрестила их «длинный плащ» и «кожаная куртка», правда, сейчас они были одеты совсем иначе: оба в легких парусиновых брюках и рубашках с короткими рукавами. «Длинный плащ» держал в руках светлый пиджак. Они стояли в дверях как в дозоре, ощупывая пристальным взглядом зал ресторана. Постояв так не больше минуты, «длинный плащ» и «кожаная куртка» не спеша двинулись к стойке бара, где с их появлением стало тесно. Все это время я старалась не встречаться с ними взглядом, чтобы не привлекать к себе их внимания, и лихорадочно соображала, как мне поступить дальше.

Итак, что мы имеем? Время восьмой час, а ни Борисевич, ни тем более Канарейкин в ресторане не появились. Вместо них появились двое знакомых мне громил и заняли позицию у стойки бара, откуда хорошо просматривался весь зал. Судя по всему, пришли они именно затем, чтобы вычислить среди присутствующих в зале молодых девушек меня. Эта отчаянная попытка свидетельствовала о том, что Канарейкина у них в заложниках нет – или скорее всего уже нет. Вывод же из всего этого был один – пора сматываться. Я уже собиралась сообщить

об этом Ирке, но тут произошла еще одна неожиданность, которой, впрочем, рано или поздно надо было ожидать.

Один из двух пятидесятилетних обжор, явившихся в ресторан следом за нами, выкушав всю принесенную ему еду и водку, решил перейти к другим удовольствиям. Он вытер губы салфеткой и направился к нашему с Иркой столику, по пути тихонько рыгая и вперившись масляным взглядом в голую Иркину спину, словно кот, наблюдающий, как хозяйка переливает сметану.

– Здравсьте, – поздоровался мужик, остановившись рядом с нашим столиком.

Мы что-то пробормотали в ответ.

– Девушка, – обратился он к Ирке, глядя при этом на ее коленки, – можно вас пригласить потанцевать?

Ирка закинула в рот последние чипсы и, пережевывая их, спросила:

– А пивом потом угостишь, папочка?

– С удовольствием, – ответил он, и его красное от съеденного и выпитого лицо расплылось в широкой улыбке.

Ирка вытерла салфеткой руки, поднялась и, дожевывая на ходу чипсы, деловито прижалась к внушительному пузу своего кавалера. Они медленно – так как подпитие кавалера не позволяло развить темп – стали удаляться в танце от моего столика. Похоже, Ирка засиделась и ей стало скучно. Моя подружка была в своем репертуаре: морочить голову мужикам – что еще она могла придумать для развлечения?

Все произошло так неожиданно и быстро, что я слегка растерялась и не успела сообщить Ирке, что надо срочно делать ноги. В следующую секунду я бросила взгляд на двух громил у стойки бара и замерла от ужаса. Тот, которого я про себя называла именем «длинный плащ», нахмурившись, смотрел прямо на меня. Весь его облик говорил об усиленной мозговой деятельности по извлечению из глубин подсознания информации, связанной с моей внешностью. Наконец, судя по разгладившемуся лбу, сей тяжелый для него процесс закончился, и, похоже, ничего хорошего это мне не сулило. Он повернулся к своему спутнику и ткнул того в бок, привлекая таким образом его внимание. После этого он что-то сказал ему и кивнул в мою сторону. Они поставили стаканы с выпивкой на стойку бара и не спеша двинулись к моему столику.

Разведчики называют подобную ситуацию «провалом». Спасти можно было только скорейшим, безоглядным бегством. Я встала, схватила сумку и быстрым шагом направилась к выходу из зала. Заметив мой маневр, преследователи тоже ускорили шаг. Уже у самых дверей из зала я встретила недоумевающий взгляд Ирки, но объяснять было некогда. Скорей к выходу!

Я не сделала и трех шагов, как из моей груди вырвался непроизвольный стон отчаяния. Прямо передо мной, преграждая мне путь, стоял официант – тот самый, в очках и с красной бабочкой на шее. Я с разбегу чуть не налетела на него.

Он также меланхолично вынул изо рта сигарету и сказал:

– Ну? И куда ты? А бабки?

Мне захотелось врезать ему по морде, но дорога была каждая секунда. Не теряя времени, я развернулась и побежала в глубь коридора. Главная моя надежда была на то, что мне удастся найти запасной выход. Коридор кончился, я завернула за угол и поняла, что оказалась в тупике. Кроме двух дверей с надписью «М» и «Ж», расположенных друг против друга, никакого другого пути не было. В коридоре послышался громкий топот – это подвигло меня к дальнейшим действиям, и я рванула на себя дверь женского туалета.

Увы, мне не повезло и здесь – туалет не запирался. Это была средних размеров комната, вся выложенная белой плиткой. В ней было четыре кабинки, у дальней от входа стены два умывальника, над которыми висели зеркала. У умывальника молодая, высокая, худая девушка с длинными волосами, одетая в короткое светлое платье, аккуратно красила помадой губы. Я подошла и встала рядом с ней, на ходу вынимая из сумки пачку фотографий и губную

помаду. Бросив фотографии в мусорное ведро, я положила сумку на полочку и, пристроившись рядом с девушкой, начала красить губы. Моя соседка закончила аналогичную процедуру, убрала помаду в сумочку и повернулась к выходу, попутно окинув меня надменным взглядом, как человека, нарушившего ее уединение.

Но уйти ей не удалось: в этот момент дверь распахнулась и на пороге возникли двое моих преследователей. Моя случайная соседка от неожиданности вскрикнула и стала пятиться обратно к умывальнику, по мере того как громилы наступали на нее. Я развернулась лицом к двери и прижалась к краю умывальника.

Положение было аховое. У моей соседки сдали нервы, и она завизжала, прижимая к груди сумочку:

– Что вы хотите? Здесь женский туалет. Как вам не стыдно!

«Длинный плащ» усмехнулся и произнес:

– Успокойся, киска, не ты нам нужна. Мы за фотографиями.

Ну все, полный провал. Я была зажата в угол, словно лисица сворой гончих, и на меня медленно надвигались безжалостные охотники. Ничего хорошего от этой ситуации я для себя не ждала.

Но тут, похоже, впервые за весь этот вечер удача улыбнулась мне. В тот момент, когда моим преследователям осталось несколько шагов, чтобы схватить меня, в этом женском туалете с явно дурной репутацией появились еще двое мужчин. Причем не менее агрессивных, чем первая парочка, но их агрессия была направлена не на меня – напали они на своих предшественников. Суммарный вес и рост двух мужских группировок, затеявших противоборство в женском туалете ресторана, был приблизительно одинаков, но фактор внезапности оказался на стороне вторых; он-то и решил в их пользу исход битвы. Несколько быстрых и яростных ударов резиновыми дубинками по голове повергли моих преследователей в горизонтальное положение. «Кожаная куртка» отрубился сразу, «длинный плащ», лежа, еще пытался выхватить припасенное в кармане оружие. Но техникой отшибания сознания у лежащего с помощью ног нападавшие владели в совершенстве. Через секунду-другую затих и «длинный плащ». Один из победителей нагнулся и вынул из его безвольной руки пистолет. Положив его себе в карман, он наконец обратил свое внимание на женщин.

И тут я узнала победителей. Это были парни из той молодежной компании, которая расположилась у стойки бара. Я так обрадовалась своим спасителям, что готова была кинуться им на шею. Но в следующую секунду до меня дошло, что радоваться рано. Это были такие же гоблины, как и те, которых они только что «вырубили», и нужно было им то же самое, что и первым, – они искали фотографии.

Победители замялись в нерешительности, и я вдруг поняла, что, в отличие от первых, менее удачливых преследователей, эти не знают, за кем конкретно они гонятся. Перед ними стояли две более или менее похожие друг на друга женщины, из которых надо было выбрать одну. Я покосилась на свою соседку. Она по-прежнему глядела на мужчин полными ужаса глазами. В какой-то момент так получилось, что мы все трое смотрели на нее. У бедняжки снова не выдержали нервы, и она, по-прежнему прижимая к груди сумочку, произнесла фразу, оказавшуюся для меня спасительной:

– Отстаньте от меня, сволочи, никаких фотографий у меня нет!

Поскольку гоблины вопроса о фотографиях не задавали, они решили, что это прокол, и дальше уже не церемонились – схватили бедняжку за руки и поволокли к выходу. От страха она совсем онемела и почти не сопротивлялась.

Через три секунды они скрылись за дверью туалета. У меня было немного времени, чтобы скрыться с места происшествия, пока бандиты не разобрались, что у них в руках случайный человек, не имеющий ни фотографий, ни какого-либо представления о том, что происходит.

Я достала из мусорного ведра конверт с фотографиями, положила его в сумку и быстро вышла из туалета. Едва я завернула за угол из тупика, как вновь увидела маячившую фигуру официанта, набивавшегося нам в сутенеры. Его только мне не хватало!

– Ну все, – сказала я себе, – мое терпение лопнуло.

Этот мерзавец достал меня. Я решительным шагом направилась прямо на него и, когда подошла к нему достаточно близко, заметила некое удивление на меланхоличном лице. Видимо, оно было вызвано тем, что мимо него только что двое гололобых повели в неизвестном направлении упирающуюся девушку. Но не настолько он был удивлен, чтобы забыть свой кровный интерес.

– Где бабки?

– Какие бабки? – сделала я удивленное лицо.

– За клиента, – пояснил он.

– А у меня нет никакого клиента, – ответила я.

– Зато у твоей подруги есть. Она только что сдернула отсюда с каким-то папиком. И не заплатила, прошмондовка сопливая!

– Так Ирка ушла? – радостно воскликнула я.

– Да только что, минуты не прошло, – подтвердил он, – так что плати теперь за нее, не то...

– А может, тебе еще за пользование туалетом отстегнуть? – со злобой произнесла я.

– Ты мне еще пошути здесь, шалава, – угрожающе прошипел мой собеседник.

– Много чести, – холодно произнесла я и, хорошенько размахнувшись, с силой врезала ребром своей кожаной сумки по морде этого ресторанного хама.

Удар получился не слабым. Официант отшатнулся, с него слетели и разбились об пол очки. Вместе с очками с этого придурка слетела вся его спесь и надменность. Передо мной стоял, хлопая подслеповатыми глазами, обычный растерянный чудик. Видно, такое с ним случилось впервые... Я не стала ждать, пока он очухается, и спокойным шагом пошла к выходу.

Швейцар стоял на улице и курил. Я, извинившись, спросила его, в какую сторону пошли только что вышедшие молодая девушка с большим вырезом на спине и ее пожилой спутник. Даже не взглянув на меня, он молча кивнул в сторону автобусной остановки. Туда я и отправилась.

По пути к остановке, проходя мимо деревянного заборчика, огораживающего какой-то частный двор, я вдруг услышала до боли знакомый и почти родной голос:

– Отстань, скотина, я тебе сто раз объясняла, что у меня месячные и от твоего перегара голова уже болит, – яростно втолковывала кому-то за забором Ирка.

Кому – несложно было догадаться, и когда я, войдя в открытые ворота, оказалась в пустынном дворике, то, естественно, увидела там Ирку и ее пожилого ухажера, который, еле держась на ногах, пытался ее облапить.

– У тебя все в порядке? – спросила я Ирку, как только она заметила меня.

– Все нормально, – ответила Ирка, – только вот от этого придурка отделаться никак не могу. Прилип ко мне с самого ресторана как банный лист к жопе.

– Пойдем отсюда, – сказала я, – он тебя не тронет. Клиент в кондиции.

Я потянула Ирку за руку, и мы вместе направилась к выходу со двора.

– Нет, подождите, – заканючил мужик, нетвердой походкой следуя за нами по пятам. – Я ей деньги заплатил, – добавил он обиженным тоном.

– Правда, что ли? – спросила я Ирку.

– Да не нужны мне его деньги, сунул мне полтинник на такси, когда я собралась уходить и сказала, что мне далеко ехать.

– Отлично, – сказала я, – значит, сейчас мы поедем на такси.

– Нет, киски, какое такси? Мы сейчас пойдем в ресторан, танцевать и пить мартини!

Пьяница догнал нас и, ухватившись за мою руку, почти повис на мне.

Похоже, сегодня был мой день, я разошлась не на шутку. Заколебали меня все эти мужики. Я остановилась и, аккуратно прицелившись, каблуком-шпилькой со всей силы наступила Иркиному ухажеру на ногу.

Мужик взвыл и, отцепившись от нас, запрыгал на одной ноге. Получив таким образом свободу действий, мы с Ирккой вышли со двора и, подойдя к проезжей части, стали голосовать. Нам повезло, рядом с нами почти сразу остановился потрепанный «жигуленок», и мы быстро загрузились в него, особенно не торгуясь о цене поездки.

– Где ты была? – спросила меня Ирка, имея в виду мое внезапное бегство из ресторана.

– Дома расскажу, – ответила я.

Глава пятая

Дома мы с Иркой распаковали купленные по дороге на остатки денег (гулять так гулять) банки джина с тоником. Попивая прозрачный газированный напиток, я принялась подробно рассказывать Ирке обо всем, что со мной приключилось за этот вечер.

Подруга слушала меня внимательно, изредка прерывая мой рассказ возгласами: «Ух ты!» и «Надо же!» Когда я закончила, Ирка, допив остатки джина, поставила банку на пол, рядом со своей кроватью, с тоской посмотрела куда-то в окно и произнесла:

– И что же теперь будет?

Этот вопрос волновал и меня все это время. Если так пойдет и дальше, то скоро за этими фотографиями будет бегать половина городских бандитов, и рано или поздно они выйдут на меня и схватят. Подобный вывод в другой ситуации мог бы лишить меня сна, заставить всю ночь заниматься поисками выхода из этой западни, но сегодня я слишком устала от переживаний, к тому же джин, наложившийся на выпитое в ресторане пиво, давал о себе знать: меня, как человека практически не пьющего, любая доза алкоголя клонила в сон.

– Давай поговорим об этом завтра, – сказала я своей подруге, – утро вечера мудренее.

У себя в комнате я быстренько разделась и, едва коснувшись головой подушки, мгновенно уснула.

Но утро оказалось гораздо хуже вечера, с мудростью с самого начала что-то не заладилось, голова трещала, настроение было ужасное. Короче говоря, понедельник – день тяжелый.

– Здравствуй, славный понедельник! – вздохнула я и потопала в ванную.

Умывшись, я вышла на кухню. Ирка сидела за столом и допивала свой кофе. Внешне она была достаточно спокойна, но, похоже, и ее не радовала начавшаяся неделя. Моя подруга сидела, угрюмо потягивая кофе, и с задумчивым видом глядела в пространство перед собой. Даже «с добрым утром» мне не сказала.

Я налила себе чаю и села рядом. Было половина восьмого. И ей и мне уже надо было торопиться на занятия. Ирка допила кофе и, поставив чашку на стол, первой нарушила молчание:

– Вот что я тебе скажу, дорогая, – произнесла она назидательно, – мы вчера, конечно, не слабо оттянулись, но сегодня, на трезвую голову, я для себя окончательно решила – больше в таких приключениях я тебе не компания. Не хватало мне еще из-за каких-то фотографов рисковать своей жизнью.

– Где это ты там особенно рисковала? – поддела я ее. – Танцуй с этим пьяненьким кавалером, что ли?

– Это не важно, – сказала Ирка. – Я тебя предупреждаю: подобные дела добром не кончаются, если продолжать лезть на рожон. Поэтому я сама умываю руки и тебе в это лезть не дам. Как старшая и более опытная, я несу за тебя ответственность.

– Это перед кем же? – спросила я.

– Да хотя бы перед собой.

– Нет уж, спасибо, – фыркнула я, – хватит с меня моей тетушки Людмилы Ивановны, она меня уже достала – тоже считает, что несет за меня ответственность. Я не маленькая девочка и вполне могу отвечать сама за себя.

– Скажите, пожалуйста, какие мы самостоятельные! – съехидничала Ирка. – Ты же даже город толком не знаешь. Если с тобой что случится, скажут, я виновата... И откуда у тебя столько прыти и упрямства взялось? Приехала такая тихоня, а тут вдруг как подменили... – уже более задумчивым и удивленным тоном закончила Ирка свою речь.

– Я по гороскопу Козерог, – с гордостью заявила я. – Упрямство в достижении цели любыми путями – главная особенность моего знака.

– Точно – уперлась рогом, не сдвинешь тебя.

Сама Ирка по гороскопу была Девой и очень гордилась этим.

– Ладно, – примирительно сказала я Ирке, – похоже, ты права. Мне действительно не стоит ввязываться в это дело.

– Ну наконец-то хоть одна здравая мысль. В общем, так, больше ты ни на какие встречи не ходишь, ни в какие квартиры не влезает, и от фотографий тоже надо избавиться.

– А куда мне их девать, выкинуть, что ли? – удивленно спросила я.

– Не знаю, – неуверенно протянула Ирка, – может быть, и выкинуть.

Но, судя по голосу, она тоже не считала этот выход оптимальным.

Как это выкинуть, подумала я, это же компромат, все равно что бомба. Ее в любой почтовый ящик не подкинешь, мало ли куда и к кому она попадет и в чьих руках может взорваться.

– А что, если их просто сжечь? – подала новую идею Ирка.

В груди у меня все заклокотало от возмущения, хотя внешне я это ничем не выразила. Ничего себе – сжечь, возмущалась я, сколько людских усилий было затрачено, чтобы это получить, сколько жертв было принесено, из-за этих фотографий скорее всего погиб человек... И вот так просто взять и сжечь?

– Ну уж нет, – решительно заявила я вслух, – их надо спрятать.

– Ну вот и займись этим, – сказала Ирка, – но чтоб в эту историю больше не лезла.

Ирка поднялась и сказала:

– Все, я пошла, мне некогда, у меня первая пара важная.

Я пожелала ей удачи, продолжая сидеть, в университет мне сегодня ехать совершенно не хотелось. Ладно, решила я про себя, поеду ко второй паре. А пока надо посидеть и тщательно обдумать все, что со мной произошло.

Я приготовила себе яичницу на завтрак и, задумчиво пережевывая кусок за куском, стала вспоминать и осмысливать события вчерашнего дня. Первый мой вывод был трагическим: фотограф, за судьбу которого я так радела, вероятно, уже убит. В этом я почти не сомневалась, так как в противном случае бандиты Борисевича вполне могли привезти его на встречу в ресторан. Однако этого не произошло, не явился и сам Борисевич. Ведя со мной телефонные переговоры, он явно блефовал.

«Для чего он прислал в ресторан гоблинов?» – задала я сама себе вопрос. Скорее всего подручные Борисевича, «разрабатывавшие» Канарейкина, надеялись узнать в ресторане какую-нибудь знакомую Канарейкина или просто попытаться вычислить меня среди находившихся в зале ресторана женщин. С точки зрения здравой логики шансов на успех у них не было практически никаких. Но им повезло – «длинный плащ» узнал меня. И все бы у них было тип-топ, если бы не появление еще одной бригады головорезов – полная неожиданность для всех, в том числе и меня.

Вопрос на засыпку – кто эти конкуренты и на кого они работают? Тот факт, что, кроме Борисевича и его гоблинов, никто не знал о назначенной в ресторане встрече, заводил меня в тупик. Получалось так, что на Борисевича работают какие-то две конкурирующие бригады «яйцеголовых», которые гоняются по городу за фотографиями, вырывая их друг у друга, чтобы первыми поднести трофей своему хозяину. Версия мне показалась не очень убедительной, но другие на тот момент в голову не приходили.

Кстати о конкурентах, внезапно подумала я. Если Борисевич баллотируется на выборах, кто является его ближайшим конкурентом в предвыборной борьбе? Я снова поставила себя на место частного детектива Тани Ивановой, героини произведений Марины Серовой. Если не брать в расчет версию, что Канарейкин действовал как обычный шантажист на свой страх и риск, что маловероятно, тогда логично предположить, что заказал фотографии какой-нибудь соперник Борисевича. Этим соперником вполне мог быть конкурент по предвыборной борьбе.

– Это надо выяснить, – сказала я себе, – сегодня же.

Однако тут же осеклась, вспомнив, что полчаса назад обещала Ирке не лезть больше в это дело.

Ладно, успокоила я себя, в конце концов это мне ничем не грозит, а информация не помешает. Я встала, пошла в Иркину комнату и включила там телевизор. Пока я одевалась, красилась и готовилась к выходу, я краем уха слушала информационные выпуски, шедшие в этот час по трем принимаемым нашим телевизором каналам. Ничего интересного, с моей точки зрения, я не услышала. Видимо, утренний эфир не очень удобен для предвыборной агитации.

Выходя из дома, я решила закупить в ближайшем киоске прессу и почитать по дороге в автобусе, если удастся занять сидячее место. Однако киоск в Солнечном был закрыт, поэтому прессу я купила, только когда добралась до центра города. Взяв несколько местных газет, в том числе и «Студенческий меридиан» – газету, издаваемую нашим университетом, я уселась на лавочку в университетском скверике и принялась внимательно изучать обстановку на предвыборном фронте.

По третьему избирательному округу в депутаты баллотировались вместе с Борисевичем еще пять человек. Однако, как следовало из прочитанных мной статей, сильный конкурент у Борисевича был лишь один – некто Данчук Василий Григорьевич, владелец сети торговых предприятий, в том числе двух универмагов. Судя по биографическим данным и по фотографии в газете «Тарасовские вести», он был моложе банкира-соперника лет на десять и чисто внешне выглядел привлекательнее.

Но главную лепту в мою информационную базу внес все же «Студенческий меридиан». На третьей стороне этого четырехполосника была опубликована большая статья под заголовком:

«Предвыборные страсти. Местные киты бизнеса сцепились друг с другом в непримиримой борьбе».

В статье, автором которой был некто Леня Фенечкин, приводились факты и эпизоды предвыборной борьбы Борисевича и Данчука. И даже был сделан экскурс в историю их взаимоотношений.

«В третьем избирательном округе, – писал в газете автор, – самом «тяжелом», как говорят политологи, схлестнулись в борьбе за депутатский мандат два непримиримых и мощных соперника. Их давняя вражда уходит корнями в те годы, когда в России началась приватизация.

Борисевич и Данчук, уже тогда возглавлявшие два влиятельных криминально-экономических клана, не раз сталкивались в борьбе за то или иное приватизируемое предприятие.

История тех лет кишит всевозможными разборками, скандалами и даже убийствами. Скандалы впоследствии были благополучно «замыты». Убийства так и остались нераскрытыми.

И вот новый виток войны между двумя враждующими группировками – на сей раз за депутатский мандат, гарантирующий, кроме одного из двадцати пяти мест в областной Думе, еще и депутатскую неприкосновенность.

Начали стороны, как всегда, с дальнобойного оружия – прессы. Легкие выпады в газетах сменились чувствительными уколами, на смену которым, в свою очередь, пришли разгромные статьи. Далее последовали взаимные судебные иски и разбирательства. И, наконец, на Молочной поляне, в пригороде Тарасова, милицией была пресечена криминальная разборка между группировками, которые, по неофициальным данным, контролируются вышеназванными кланами...»

Автор, приведя еще ряд примеров мелких и крупных пакостей, чинимых Борисевичем и Данчуком друг другу, заключил свою статью вопросом – а чем же все это закончится? Ведь до выборов осталось еще десять дней, а накал страстей столь велик?

Я дочитала до конца и посмотрела на часы – до лекции оставалось десять минут. Я собрала газеты, положила их в сумку и отправилась в аудиторию. Лекции у нас обычно про-

ходили в большой аудитории номер 5, в которой без особых проблем помещался весь филфакский поток, состоящий из четырех групп.

Я отыскала глазами, где сидят две мои новые приятельницы – Лена и Катя, и направилась к ним.

– Привет! Что, подушку давила? – улыбнулась мне черноволосая и кареглазая Катя. Она была маленькая, с симпатичным, чуть продолговатым лицом.

Лена – полная противоположность ей: высокая (выше меня), крепко сбитая блондинка, лицо широкое и скуластое, наивный, даже слегка телячий взгляд больших голубых глаз.

С этими девчонками я познакомилась во время экзаменов, они, как и я, были из районных центров – Катя из Шабалова, Лена из Страхова. Занятия в университете всего три дня как начались, обширных знакомств никто завести не успел, поэтому все держались группами по три-пять человек, стихийно сложившимися на вступительных экзаменах.

– Да, проспала, – соврала я. – Привыкла за лето дрыхнуть до десяти, никак не могу отвыкнуть, даже в автобусе сплю.

– Я так и не пойму, у тебя фамилия Бойкова или Байкова – от слова «байкать», – по добродушному пошутила Ленка.

– От слова «бойкая», – приняла я шутку.

Раздался звонок, и через несколько секунд в аудиторию вошел лектор. Пока он устраивался на кафедре, я шепотом спросила девчонок:

– Слушайте, а где у нас в университете находится редакция «Студенческого меридиана»?

– На третьем этаже этого здания, рядом с деканатом. А что, уже есть желание тиснуть туда статейку? – поинтересовалась Катя.

– Все может быть, – многозначительно ответила я, – например, о том, какая это поэма жизни – утренний отъезд из поселка Солнечного на общественном транспорте.

– А ты перебирайся к нам в общагу. У нас с Каткой в комнате есть свободная койка. Будешь жить в центре города.

– Надо подумать, – сказала я и приготовилась записывать за лектором.

В три часа, когда закончилась последняя лекция, я, попрощавшись с Катей и Леной, отправилась на третий этаж, в редакцию «Студенческого меридиана».

Нашла я ее без труда: она действительно находилась за деканатом, чуть дальше по коридору. Постучав, я вошла и очутилась в просторном помещении. Мебель была скудная – старые, видавшие виды столы, пара шкафов, расшатанные стулья. На двух столах стояли компьютеры, за одним из которых сидела молоденькая девушка. Светлые волосы у нее были схвачены в пучок, на носу покоились очки в тонкой металлической оправе.

– Здравствуйте, девушка, – обратилась я к ней, поскольку в помещении, кроме нас двоих, больше никого не было.

– Здравствуйте, – девушка ухватила правой рукой за дужку очков и поправила их на носу, – что вы хотели?

– Я хотела бы побеседовать с кем-нибудь из редакции газеты «Студенческий меридиан»... – И, предвзяв дальнейшие вопросы, я пояснила: – Я студентка первого курса филологического факультета. Хочу узнать об условиях сотрудничества с вашей газетой.

– Это вам надо говорить с главным редактором, господином Дектеревым, но его сейчас нет.

– А когда он будет? – спросила я.

Моя собеседница нервно поправила очки и уткнулась в компьютер.

– Боюсь, что не скоро, – буркнула она и, краем глаза заметив мое замешательство, пояснила: – Он позавчера попал под машину и лежит сейчас в больнице с сотрясением мозга и переломами.

– Кошмар! – произнесла я вслух, пораженная этой информацией, и тут же снова спросила:

– А машину, которая его сбила, нашли?

Девушка оторвала взгляд от компьютера и, внимательно посмотрев на меня, ответила:

– Нет, не нашли... А вы что – репортер криминальной хроники?

– Да ну что вы, я спросила просто из соображения справедливости.

– Извините, девушка, – моя собеседница снова приколола взгляд к компьютеру, – если у вас все...

– Да-да, извините, – спохватилась я, – я зайду в другой раз.

Попрощавшись, я вылетела в коридор, подошла к окошку и села на подоконник.

Вот это да! Час от часу не легче. Похоже, ответ на вопрос автора в конце статьи: «Что будет дальше?» – получен, и весьма вразумительный.

Я вынула газету «Студенческий меридиан» и посмотрела дату номера со статьей о предвыборной борьбе Борисевича и Данчука. Номер вышел в пятницу, а в субботу редактора «Меридиана» В.Л. Дектерева сшибли машиной. Ничего себе – оперативно работают ребята. Интересно, от кого был этот автомобиль, от Борисевича или от Данчука? Если от Борисевича, то уик-энд у него был тяжелый: наезд на редактора и попытка изъять у меня фотографии.

Кстати о фотографиях, снова задумалась я. Кому же их, черт возьми, отдать? Держать их у себя становилось все опаснее и опаснее, учитывая методы и стиль работы заинтересованных в них людей. А может, отдать их Данчуку? Личность Борисевича была мне более или менее знакома и очень неприятна. Данчук же пока находился в тени, и оставалась слабая надежда, что он может оказаться более порядочным человеком, чем его конкурент.

А что, если мне посетить его предвыборный штаб? Меня там не знают. Прикинусь кем-нибудь – журналисткой или просто теткой с улицы. Поговорю с ним и, если разговор не вызовет у меня приступа тошноты, оставлю ему фотографии.

Какой-то внутренний голос нашептывал мне, что меня снова черт надирает и я лезу туда, куда мне и носа совать не следует, но я уже приняла решение и уверенным шагом направлялась к выходу из университета.

Позвонив в справочную, я выяснила сначала телефон областной избирательной комиссии, позвонила туда и узнала, где находится избирательный штаб кандидата в депутаты Данчука.

Через двадцать минут ходьбы я свернула с Бабаевской на улицу Петина, прошла еще метров тридцать и оказалась перед серым трехэтажным особняком за номером тридцать семь. Входные двери были гостеприимно распахнуты.

У дверей я задержалась, так как они были облеплены всевозможными листками с информацией. Один из них меня сильно заинтересовал. В нем говорилось, что «штаб поддержки избирательной кампании кандидата в депутаты областной Думы Данчука В.Г. проводит набор временных сотрудников на период до окончания выборов». Обращаться надо было на третий этаж. Похоже, это как раз то, что мне нужно!

Я вошла в здание и стала подниматься по лестнице. На первом этаже располагались две жилые квартиры, на втором – районный центр занятости, на лестничной площадке которого толпились люди, в основном женщины.

Третий этаж был исключительно «политический». На входной двери красовалась табличка с надписью «Движение в поддержку президента» (без указания, какого именно), а ниже висела табличка, информирующая о том, что здесь находится избирательный штаб кандидата в депутаты Данчука.

Войдя, я сразу попала в большой зал, где толпились люди, как на вокзале. Мебели здесь было мало. Несколько столов, заваленных агитационными листами и другими материалами, стояли в центре зала. Этим же хламом были завалены два стоящих у стены шкафа. На одной

из стен висела карта избирательного округа. Люди стояли кучками по три-пять человек. Главным образом пожилые женщины, но попадались и мужчины. Все они держали в руках пачки листовок и внимали своим инструкторам. Это и были временные сотрудники – агитаторы.

Инструкторы сильно отличались от агитаторов и по возрасту, и по внешнему виду. Это были молодые люди, одетые кто в белые рубашки, кто в модные цветастые. Они, по-максимуму насыщая свою речь солидными интонациями, объясняли бабулькам, куда тем надо пойти и что делать, периодически подводя инструктируемые ими группы к карте.

Молодой человек изящным жестом руки, в которой он держал авторучку, как указку, объяснял:

– Сегодня нашим планом предусматривается охватить агитацией вот эти две девяти-этажки, туда вы сейчас и отправляетесь. После того как работа будет завершена, листовки разложены по почтовым ящикам и в людных местах, вы, Александр Порфирьевич, – он ткнул авторучкой в сухонькую грудь стоявшего перед ним старичка, – явитесь сюда, в штаб, и доложите мне о проделанной работе. О'кей? – заключил он вопросом свою речь.

Старик молча кивнул, глядя на молодого человека грустными глазами.

– Ну тогда все. Вперед, по коням! – бодро сказал молодой человек и хлопнул два раза в ладоши, чтобы активизировать спящих на ходу агитаторов. Когда группа разошлась, молодой командир переключил свое внимание на вновь вошедшую, то есть меня.

– А вы что хотели? – спросил он, подходя ко мне, при этом его взгляд, словно лазерный луч, скользил по мне все ниже и ниже, замерев где-то в районе моих коленок.

Я откашлялась, заставив этим молодого человека поднять взгляд. У него было полное щекастое лицо – немного детское, которое совершенно не вязалось с тем деловым видом, который он старательно на себя напускал. Мне захотелось ухватиться за его щеку и потрепать ее, приговаривая при этом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.